

наша Русь

Влесова

Книга

Троянский

Конь

норманизма

Наша Русь

Сборник статей

**Влесова книга. Троянский
конь норманнизма**

«Алгоритм»

2013

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

Сборник статей

Влесова книга. Троянский конь норманнизма / Сборник статей — «Алгоритм», 2013 — (Наша Русь)

Влесова книга, с момента ее открытия в середине XX века, стала неременным спутником практически любого научно-популярного труда по истории Древней Руси. Особенно она популярна среди патриотически настроенных писателей и любителей отечественной истории, считающих ее наилучшим доказательством глубокой древности русского народа. И мало кто из нас задумывается, что именно Влесова книга стала тем троянским конем нашей истории, который исподволь подтверждает подлинность антирусской норманнской теории. Это становится ясно, если непредвзято прочесть и саму Влесову книгу, и те научные работы, которые посвятили ей такие известные российские ученые-историки, как А. Г. Кузьмин, Б. А. Рыбаков, О. В. Творогов и которые вошли в данную книгу.

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

© Сборник статей, 2013
© Алгоритм, 2013

Содержание

Всеволод Меркулов, кандидат исторических наук	5
С. Я. Пармонов	10
Л. П. Жуковская	25
В. И. Буганов, Л. П. Жуковская, академик Б. А. Рыбаков	29
О. В. Творогов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В. М. Чернов

Влесова книга. Троянский конь норманнизма

Всеволод Меркулов, кандидат исторических наук **Влесова книга: троянский конь норманнизма**

Влесова книга... Это название хорошо знакомо всем, кто так или иначе обращается к древнерусской истории. У специалистов-историков оно вызывает однозначную реакцию: подделка. Да и написано об этом немало, каждый желающий может проверить. Однако среди читателей исторической литературы и любителей древности остается немало тех, кто склонен видеть во Влесовой книге уникальный источник, который будто бы намеренно не вводят в научный оборот ученые. С одной стороны, это вопрос общего кризиса гуманитарного знания в современной России, с другой – даже увлеченные люди должны хорошо понимать, с чем они имеют дело, беря в руки то или иное издание Влесовой книги.

Отечественные историки уверены, что в случае с Влесовой книгой мы сталкиваемся с фальшивкой, причем выполненной довольно кустарно. Их критика, весьма убедительная, обращена, конечно, не только на Влесову книгу, но и на само явление – без должной оценки принимать разного рода «сенсации». Ведь когда-то и Влесова книга была представлена как одна из таких сенсаций. Как же, «потерянная» история славян с самых древнейших времен, да на загадочных дощечках, которые таинственно исчезли, написанная особенным письмом, и как будто с ответами на самые важные исторические вопросы. А тайна, как известно, всегда привлекает неискушенного читателя. Особенно такого, у которого со школьной скамьи сложилось недоверие к «официальной» истории из учебников, ведь иные учителя способны хорошо потрудиться, чтобы накрепко отбить интерес к своему предмету.

В итоге научная критика отнюдь не уменьшает количество сторонников Влесовой книги. Тому есть немало причин. И авторитет научного мнения в обществе несравненно упал. И доносится это мнение не так ярко, как представлены сюжеты Влесовой книги, способные отлично вписаться в ряд фэнтезийных бестселлеров. Да и люди часто просто хотят верить... Хотя на практике оказывается, что от Влесовой книги не сохранилось ничего исходного. Вместо десятков дощечек, лишь одна – и та в сфотографированной прорисовке на бумаге (то есть, и ее нет). Концы в воду. «Переводчики» и «исследователи» Влесовой книги соревнуются в том, чтобы по-разному разбивать и трактовать слова переписанного «оригинала». С данными различных научных дисциплин возникает сплошное противоречие, которое невозможно преодолеть.

Влесова книга – это, безусловно, произведение своего времени. Только это время – первая половина XX века. Письменный текст произведения, претендующего на тысячелетнюю древность, был впервые опубликован в 1950-е годы русскими эмигрантами Ю. П. Миролюбовым и А. А. Куром (Куренковым) в Сан-Франциско. Собственно, эта история хорошо известна, как и последовавшие за ней споры.

Но вот что странно. Влесову книгу никогда не рассматривали в контексте «норманнской» проблемы. Сколько разных идей и мыслей было высказано по ее поводу, а тут – почти полное молчание. Отнести ли Влесову книгу к норманнизму или к антинорманнизму? Чья это мистификация?

Обычно про «норманнскую теорию» всегда вспоминают, когда речь заходит о древнерусской истории. Казалось бы, Влесова книга относится к той же тематике. Но с норманниз-

мом ее никто не связывает. Скорее, наоборот, потому что ее популяризаторы были наивными критиками «норманнской теории». Между тем, в наши дни норманнизм, как околонучное явление, стал довольно многообразным, зачастую даже отрекаясь от своих корней и основных идеологов. Однако от главного постулата, состоящего в том, что варяги – это древние скандинавы, викинги, норманнизм не может отказаться. Иначе он просто лишится своей сути, стержня и окончательно отойдет в область политических мифов прошлого.

Чтобы увидеть, как пересекаются сюжеты Влесовой книги с основными тезисами «норманнской теории», нужно обратиться к «первоисточнику». В качестве последнего будем использовать цитаты из Влесовой книги по «классическому» «переводу» неизвестного Александра Асова (Источник: Лесной С. Откуда ты Русь? Ростов-на-Дону, 1995. С. 283–340). Начнем...

«Как умрешь, ко Сварожьим лугам отойдешь, и слово Перуницы там обретешь: «То не кто иной – русский воин, вовсе он не варяг, не грек, он славянского славного рода, он пришел сюда, воспевая Матерь вашу, Сва Матерь нашу, – на твои луга, о великий Сварог!»

В этом художественно-поэтическом описании наглядно показано, что варяги Влесовой книги не являются ни русами, ни славянами. Подробнее пока не уточняется, но дальнейший сюжет еще больше обособляет варягов:

«Мы имеем истинную веру, которая не требует человеческих жертв. Это же делается у варягов, приносящих такие жертвы и именующих Перуна – Перкуном. И мы ему приносили жертвы, но мы смели давать лишь полевые жертвы, и от трудов наших просо, молоко, жир... Боги русские не берут ни жертв людских, ни животных, только плоды, овощи, цветы и зерна, молоко, питную сурью, на травах забродившую, и мед, и никогда живую птицу, рыб. И это варяги и элины дают богам жертву иную и страшную – человеческую. Мы же не желали делать это, так как мы сами – Дажьбоговы внуки и не стремились красться по стонам чужеземцев».

Получается довольно занятно. Итак, варяги – это не русы (что прямо противоречит летописным данным) и даже не славяне. Из Повести временных лет: «И пошли за море к варягам, к руси... И от тех варягов прозвалась Русская земля».

А раз уж жили без человеческих жертвоприношений, то совсем непонятно, кто же все-таки убил двух варягов-христиан в Киеве в 978 году: «И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?». И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили» (Повесть временных лет).

Впрочем, про жертвоприношения у русов писал даже византийский император Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей»: [В устье Днепра росы] «совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай». Конечно, можно счесть, что это всего-навсего кровавые жертвы варяжскому, неславянскому Перуну.

Тогда и князь Святослав не мог быть ни русом, ни славянином. Вспомним, как византийский хронист Лев Диакон описывал языческий ритуал воинов Святослава после понесенного в бою поражения: «...И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

В общем, вопреки известным документам, но согласно Влесовой книге, варяги – это люди совершенно иного, чуждого культурного круга по отношению к славянам. Приносят человеческие жертвы, не имеют «истинной веры». Что же это за культурный круг? Читаем дальше.

«И вот другой враг Германарех пришел на нас с севера. Он внучатый внук Отореха. Новые враги с рогами на лбах на нас напали. А варяги говорят нам, чтобы мы шли на них. Но мы не станем воевать на оба поля, ведь (и варяги, и готы) – враги, и мы не можем разделить между ними – кто из них первый».

Из этого фрагмента о варягах Влесовой книги можно получить больше информации. По всей видимости, здесь имеется в виду «держава Германариха» в Северном Причерноморье и на территории нынешней Южной Украины и Нижнего Дона. Это один фронт («поле»), против которого воюют влесовокнижные славяне. Другой фронт – варяжский, по логике, он должен оказаться «северным». Да и упоминание готов и варягов в одной связке весьма показательно. Не иначе как и те, и другие – «германцы», «скандинавы». Вот тут-то на арену выходит князь Рюрик.

«И вот пришли варяги к Днепру, и забрали землю нашу, и увели людей. И земля теперь под ними... Не угоняйте людей! А если не согласитесь на это, испробуете наши мечи. Отвадьте Рюрика от земель наших, гоните его с глаз долой туда, откуда пришел. И вот границы наши врагами сокрушены, и землю нашу попирает враг. И это обязанность наша (защищать землю), и мы не желаем иной рати».

Довольно эмоциональный фрагмент, в котором Рюрик выступает врагом влесовокнижного славянства. Такой вот неожиданный поворот. Как отнестись к этому фрагменту? Кажется, это какая-то гремучая смесь из романтического антинорманнизма в стиле «спасите славянских людей от Рюрика» и классического норманнизма – варяг Рюрик огнем и мечом покоряет несчастных славян. Второй, фактически норманнистский сюжет в полной мере разворачивается в последующем повествовании.

«До этого времени пришли в Киев варяги с торговцами и побили хазар. Хазары же обратились к Скотеню, чтобы он оказал им помощь. Но Скотень это отверг и сказал, что вы сами себе поможете, а также то, что им в Русколани нечего делать около нас... Тогда вражья сила пришла на земли Воронежца. В древности Воронежец этот много веков строился и был огражден от окрестных нападений. (И тогда) варяжцы приходили к Воронежцу»

братъ его, и так стала Русь отгороженной от запада Солнца. И некоторые пошли к Сурье на юг отвоевывать Сурож-град... у моря, где греки имели укрепленный град Сурожь».

Отбрасываем «скотеней», «русколань», «сурью» – и что получаем в сухом остатке? Занимательную историю взаимоотношений варягов с хазарами. До боли знакомая, надо сказать, история. И тут облик современного норманнизма проявляется уже во всей своей красе. Конечно, варяги не называются скандинавами, да и не мог себе такого позволить автор текста Влесовой книги. Но контекст очень узнаваем. Однако прежде чем раскрыть его – приведем еще один показательный фрагмент из «перевода» Асова.

«И вот прошли две тьмы, а за этими двумя тьмами пришли варяги и отобрали землю у хазар, на которых мы работали и кому платили дань».

Оказывается, варяги (уже так и напрашивается назвать их «викингами») делили с хазарами «сферы влияния». Несчастные «славяно-русы» лишь работали и платили дань, то одним, то другим, будучи, по всей видимости, неспособными ни к чему иному. Узнаете торчащие уши? Классический, кристальный норманнизм образца первой половины XX века. Тот самый норманнизм, который в свое время оказал влияние на многих – ни Миролюбов, ни Кур, ни другие ревнители Влесовой книги, кажется, не избежали этого влияния. Через кого-то из них оно отразилось и в сочиненном тексте, стилизованном под «древнеславянский язык» и получившем красочное название «Влесова книга». В других вариантах – Велесова книга, Влескнига или попросту «Дощечки Изенбека» по фамилии белогвардейского полковника, который их будто бы нашел.

Предполагаемый раздел «сфер влияния» между викингами, которых подменяют именем варягов, и хазарами – это ключевой мотив древнерусской истории по версии норманистов. Правда, мотив, уже отживший и изрядно потрепанный, хотя еще встречающийся в литературе. Возьмем, к примеру, статью В. Я. Петрухина «Славяне, варяги и хазары на юге Руси» (Сб. Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 г. М., 1995. С. 117–125). Вот цитата, удивительным образом сочетающаяся с Влесовой книгой:

«А. П. Новосельцев предположил, что призвание варягов-руси словенами, кривичами и другими племенами Севера было вызвано хазарской угрозой. Трудно сказать, насколько реальными были претензии Хазарского каганата на Север Восточной Европы... Более очевидными были претензии руси, чьи правители уже в IX в. именовались титулом «каган». Призвание князей с дружиной – русью, по летописи, завершилось упрочением варяжской династии на Севере и, стало быть, распределением сфер влияния в Восточной Европе».

В Википедии, которая в отношении истории является источником весьма незатейливым, находим отражение той же идеи, с уточнением до конкретных годов: «858–860. Варяги и хазары делят сферы влияния. Варяги берут дань с чуди, славян, мери и кривичей, а хазары – с полян, северян, вятичей». То же самое писал, кстати, «евразиец» Л. Н. Гумилев, не сильно заботившийся о подтверждении своих гипотез. Но «подтвердить» может, собственно, Влесова книга.

Автор Влесовой книги был человеком, бесспорно, увлеченным. Это был романтик, славянофил, искатель, неудовлетворенный многими белыми пятнами ранней русской истории. Возможно, кто-то из эмигрантов, скучающих по родине. Иными словами – тот, кому не хватало «драйва» на фоне скудных и нередко противоречивых свидетельств источников, сложных научных постановок, требующих широкого кругозора. Совершенно точно, что это

не был профессиональный историк. Но, вероятно, человек начитанный, знавший многие современные ему исторические труды. Как следствие, автор Влесовой книги отразил в произведении и некоторые стереотипы. Они казались ему очевидными, поэтому с легкостью были внесены в текст, претендующий на роль «древнейшей летописи». Так во Влесову книгу попала знаменитая норманнистская гипотеза о разделе «сфер влияния» между викингами (норманнами) и хазарами, постулат о том, что Рюрик – безродный завоеватель и т. д. А вот прямо назвать влесовокнижных варягов «скандинавами» автор не решился – видимо, знал, что название «Скандинавия» пришло из средневековой латыни и никак не могло употребляться в «архаичном» славянском источнике. Как видно, на чужбине романтизм может зайти довольно далеко. И это, конечно, трагедия.

Мог ли автором Влесовой книги быть Александр Александрович Кур (Куренков), впервые опубликовавший ее в журнале «Жар-птица»? Участник гражданской войны, георгиевский кавалер, белоэмигрант, он увлекался языкознанием, религией, искал первоисточники по истории русского народа. Мог ли им быть Юрий Петрович Миролюбов? Тоже писатель-эмигрант, служил в армии Деникина, редактировал журнал «Жар-птица», был автором художественных рассказов, стилизованных под народные языческие предания «от прапки Варвары». Мог ли быть кто-то другой? Возможно... Но этот автор точно жил не тысячу лет назад, а, скорее всего, в прошлом веке. Что ж, прошло не так много времени.

Нынешние норманнисты с удовольствием укажут на мечтателей, увлеченных славянскими образами. Укрепятся за их счет на собственном постаменте. А главное, именно они используют Влесову книгу для дискредитации любой концепции, посягающей на основы самого норманнизма. Очень удобно предлагать мнимый выбор – либо «скандинавское происхождение» варягов, либо историческая фальшивка и малоприятный титул «научного фрика». Увы, многие простаки пока подыгрывают и проигрывают в этой игре в одни ворота.

Влесова книга – это настоящий троянский конь норманнизма, поскольку норманнистские идеи встроены в нее с самого начала, скрыты под псевдославянскими художественными образами. Вольно или невольно – сегодня это уже не так принципиально.

Завершая этот очерк, подумалось, а вдруг кто-то скажет вроде «Асов перевел не так», «нужно правильно перевести Влесову книгу и все станет на свои места». Бросьте. Давайте лучше поговорим о чем-то менее грустном.

С. Я. Парамонов Что мы знаем о «Влесовой книге»?

Название. «Влесовой книгой» пишущий эти строки назвал языческую летопись, охватывающую историю Руси от 1500 лет «до Дира», т. е. приблизительно от 650 г. до н. э., и доведенную до последней четверти IX в. Она упоминает Рюрика и главным образом Аскольда, но ни слова не говорит об Олеге. Этим самым время ее написания устанавливается сравнительно очень точно.

Летопись была написана на деревянных, очень древних, значительно разрушенных временем и червем дощечках. Найдена была полковником А. Изенбеком и получила название «дощечек Изенбека».

Однако дощечки – одно, а произведение, написанное на них, естественно, должно иметь свое собственное название. Так как в самом тексте произведение названо «книгой», а Влес упомянут в какой-то связи с ней, – название «Влесова книга» является вполне обоснованным.

История находки. В 1919 г. полковник Изенбек во время наступления армии Деникина на север нашел в одном из разграбленных имений где-то в Курском или Орловском направлении в разгромленной библиотеке странные дощечки, испещренные неизвестными письменами. Будучи в мирное время художником и участником археологической экспедиции Академии наук в Туркестане, Изенбек заинтересовался ими и подобрал их и осколки, лежавшие на полу.

Несмотря на все попытки автора этих строк установить имя владельцев имения и дощечек, сделать это до сих пор не удалось, хотя рейд артиллерийской батареи, которой командовал Изенбек, вероятно, еще установим по военным документам и воспоминаниям его участников.

Дальнейшая судьба дощечек. После долгих мытарств А. Изенбек поселился в Брюсселе. Около 1925 г. с ним познакомился Ю. П. Миролюбов, которого во время случайного разговора Изенбек поставил в известность о существовании дощечек. Ю. П. Миролюбов заинтересовался ими. Скоро стал понимать неизвестный алфавит и занялся в помещении Изенбека транслитерированном тексте дощечек на наш алфавит.

Изенбек был довольно ревнив к дощечкам и не позволял их выносить из своего помещения. Но особого интереса к ним не проявлял, видя в них какой-то курьез и не придавая им особого значения. О существовании дощечек знали весьма немногие. В их числе – профессор Брюссельского университета Экк и его ассистент. Их предложение взяться за изучение дощечек было Изенбеком отклонено.

Ю. П. Миролюбов занялся реставрированием некоторых полуистлевших дощечек, впрыскивая отвердевший раствор, а также перепиской текста, надеясь найти материал для задуманной им литературной работы о Древней Руси. Большинство дощечек было переписано, но некоторые стороны их по неизвестным причинам переписаны не были. Ю. П. Миролюбов пытался сам разобрать смысл написанного на дощечках, но особенного успеха в этом не имел и, по-видимому, потерял интерес к дощечкам.

В августе 1941 г. А. Изенбек во время оккупации Брюсселя немцами умер. Изенбек был одинок, наследников у него не было. Лицо, которому было доверено кураторство имуществом Изенбека, особого рвения не проявляло. В результате часть имущества, в том числе и дощечки, исчезла. Впрочем, в те времена было не до сохранения чужих имуществ. Каждый заботился больше о сохранности собственной жизни.

Таким образом, «дощечки Изенбека» в настоящее время утеряны. Вернее всего, навсегда. Все, что от них осталось, – это записи Ю. П. Миролюбова и одна фотография (есть, однако, смутные данные о существовании еще нескольких).

Судьба текста Ю. П. Миролюбова. В условиях войны и дальнейшей разрухи Ю. П. Миролюбову было, конечно, не до «дощечек Изенбека» – опасность не раз угрожала его жизни. В 1953 г. слухи о существовании дощечек дошли до А. А. Кура (генерала Куренкова), и он опубликовал в журнале «Жар-птица» письмо-обращение к читателям: не знает ли кто-нибудь что-то достоверное о дощечках. Ю. П. Миролюбов ответил (письмо опубликовано), сообщив необходимые сведения, и охотно стал пересылать А. А. Куру тексты для обработки. А. А. Кур начал изучать их и печатать о них с января 1954 г. отдельные статьи в журнале «Жар-птица». К сожалению, научного значения эти публикации не имели: журнал издавался на ротаторе, а потому все статьи могли считаться «на правах рукописи». Кроме того, тексты дощечек пестрели опечатками, не передавали оригинальных начертаний со старославянской «е», а также с «і» и т. д. и не удовлетворяли элементарным научным требованиям. Наконец, А. А. Кур публиковал лишь отрывки, у которых не было ни начала, ни конца.

В этих условиях, конечно, никто отнестись серьезно к «дощечкам Изенбека» не мог: документа налицо не было, а сам оригинал документа был доступен всего лишь одному А. А. Куру. Все могло оказаться фальшивкой или мистификацией. А. А. Кур же и Ю. П. Миролюбов, будучи любителями, этого не понимали и даже негодовали на такое игнорирование их работы. Удивляться этому было нечего: журнал «Жар-птица» был малоизвестным изданием, с малым тиражом, которого уже через год нельзя было достать в продаже. Отсутствовал он и в библиотеках. Поэтому если кто и заинтересовался, то сталкивался с невозможностью приобрести экземпляр журнала. Только случайно, благодаря любезности А. А. Кура, автору этих строк удалось получить комплект статей А. А. Кура и сделать с них фотокопию.

С марта 1957 г., однако, в том же журнале, но уже печатавшемся в типографии, началось систематическое опубликование текстов дощечек, продолжавшееся до мая 1959 г. включительно. В конце 1959 г. журнал прекратил свое существование, и с тех пор, насколько известно, ни А. А. Кур, ни Ю. П. Миролюбов дальнейших текстов не опубликовали. Таким образом, «Влесова книга» целиком не опубликована, напечатано приблизительно лишь 3/4 ее.

Начало изучения «Влесовой книги». «Влесова книга» стала изучаться, в сущности, с 1957 г., когда стали публиковаться оригинальные тексты дощечек с примечаниями А. А. Кура и Ю. П. Миролюбова, а также главы, посвященные им, в книге Сергея Лесного – «История «руссов» в неизвращенном виде» (№ 6 – 1957, № 7 – 1958, № 8 – 1959, № 10 – 1960). Весьма далекие от совершенства, эти статьи все же дают основу для серьезного отношения к «дощечкам Изенбека».

Кроме работ этих авторов, публикаций исследовательского характера, были еще отдельные газетные и журнальные статьи, носившие, однако, только осведомительный характер. Ничего суммарного, подводящего итоги, еще не опубликовано. Удивляться этому нечего: дощечки были найдены любителем, не понимавшим их значения. Для него это была достопримечательность, которой можно было при случае похвастаться, и более ничего. Дощечки поэтому не были ни сфотографированы, ни переданы компетентному лицу для изучения.

Ю. П. Миролюбов, которому мы, в конце концов, обязаны всем, что имеем, не был наделен возможностью распоряжаться чужим имуществом. В условиях жизни эмигранта, в обстановке войны 1939–1945 гг., затем эмиграции в США ему было не до дощечек. Став в США редактором журнала «Жар-птица», он сделал все, что мог, для публикации дощечек. В несколько ином положении находился А. А. Кур: получив еще в 1954 г. текст Миролюбова,

он не сделал того, что следовало сделать, именно – сфотографировать весь текст и разослать на хранение в главнейшие библиотеки: Лондон, Париж, Вашингтон.

Далее. Тексты следовало опубликовать елико возможно скорее. Будучи любителем и эмигрантом, он мог уделять изучению документов времени лишь урывками. В результате в журнале «Жар-птица», печатавшемся в типографии уже с 1956 г., за весь 1956 г. не появилось ни одной публикации текстов, хотя имелась для этого полная возможность. И в дальнейшем публикации задерживались, ибо ни текста, ни комментариев от А. А. Кура не поступало. Если бы текст Миролубова был даром последнего А. А. Куру, то, конечно, кроме моральных претензий, мы не имели бы оснований упрекать в чем-либо А. А. Кура. Но текст Миролубова был его даром Русскому музею в Сан-Франциско, поэтому мы вправе ожидать более внимательного отношения к общественной собственности.

В настоящее время положение таково, что за восемь лет «Влесова книга» все же не опубликована, и мы стоим перед опасностью вообще остаться без ее конца. Конец текста не публикуется, а возраст А. А. Кура позволяет опасаться, что с текстом Миролубова случится то же, что и с оригинальными дощечками. Если дощечки не сумели уберечь, то по крайней мере с копией их содержания следует быть достаточно благоразумными. Несчастливая судьба дощечек, однако, нисколько не умаляет их научной ценности. Если до сих «Влесова книга» не попала в руки настоящих ученых, то это не значит, что она не заслуживает этого. К вопросу о ее подлинности мы и переходим.

Подлинность «дощечек Изенбека». Когда открывают какой-нибудь новый исторический источник, всегда появляется вопрос: не подделка ли он? В прошлом подделки встречались. Поэтому сомнение – неотъемлемая часть научного исследования. Рассмотрим все допустимые возможности. Подделывателем мог быть Изенбек, либо в его руки уже попала подделка.

Всякая подделка может иметь следующие побуждения. Подделыватель ищет либо денег, либо славы, либо, наконец, все это шутка, чтобы над кем-то посмеяться. Допустимо также, что все это – результат помрачения ума, но вероятность последнего столь мала, а логичность «подделки» столь велика, что это предположение должно немедленно отпасть.

Из того, что мы знаем, видно, что Изенбек не пытался никому продавать дощечки. Значит, соображения материального порядка несостоятельны – «дощечки Изенбека» не имеют к деньгам никакого отношения. Не искал Изенбек со своими дощечками и славы. Наоборот, мы лишь можем упрекнуть его, что он держал их почти в тайне и так мало способствовал тому, чтобы ученые заинтересовались ими. Кроме того, ни археологом, ни собирателем древностей он не был. Вообще о дощечках узнали только через 13 лет после его смерти: отпадает и второе предположение. Наконец, дощечки не могли быть и предметом шутки, ибо на их изготовление нужно было много месяцев упорного труда, что совершенно не оправдывает шутку. Если мы прибавим к этому, что Изенбек не знал хорошо славянских языков и вообще славянской древности, что дощечки от старости были частично испорчены и трачены шашелем, что, наконец, Изенбек ни над кем не пошутил, – становится понятным, что о подделке дощечек Изенбеком не может быть и речи.

Но, может быть, они попали в библиотеку настоящих хозяев уже будучи подделкой? Такая огромная по величине труда подделка могла попасть в библиотеку лишь путем покупки. Значит, какой-то из владельцев был заинтересован в подобных вещах и купил подделку. А если это так, то не мог он не показать дощечек другим и до 1919 г. не могли они укрыться от всеобщего сведения. Остается одно, наиболее правдоподобное объяснение: дощечки сохранялись в родовом архиве от поколения к поколению, но никто не понимал их истинного значения и фактически никто о них ничего не знал, лишь разгром библиотеки выбросил их на пол, и они были замечены Изенбеком.

Самыми основательными доводами в пользу подлинности дощечек являются они сами и их письмена. Как известно, всякая подделка имеет своей основной чертой стремление «подделаться» под что-то уже известное, уподобиться ему. Подделыватель употребляет все свои силы и знания, чтобы его произведение было похожим на что-то уже известное. В «дощечках Изенбека» ничего этого нет: все в них оригинально и не похоже на нам уже известное.

1. Хотя мы и не знаем, что в древности иногда писали и на дощечках, – это прежде всего дощечки, которые стали известными из истории всех стран вообще. Значит, надо было изобрести технику письма на дереве, которая фактически никому не известна в подробностях. Каждый фальсификатор, идя по этому пути, понимал, что он может попасться моментально, ибо не было уверенности, что его способ писания на дереве настоящий и что эксперты не обнаружат его подделки немедленно.

2. Алфавит, употребленный автором «Влесовой книги», совершенно своеобразный, хотя в основном и очень близкий к нашей кириллице. Ни один известный исторический документ не написан этим алфавитом – опять-таки факт, чрезвычайно опасный для подделывателя: подозрение вызывалось немедленно, а коль скоро оно появилось, могли найти легко и другие его промахи.

Можно было скорее всего ожидать изобретения особого алфавита, а между тем это – примитивная, несовершенная кириллица, с разнобоем в ней, но без грецизмов, достаточно хорошо выявленных в настоящей кириллице.

3. Язык книги совершенно своеобразный, неповторимый, объединяющий в себе наряду с архаизмами, по-видимому, и новые языковые формы. Значит, и здесь подделывателю грозила опасность попасться немедленно. Казалось, уж чего проще: пиши по-церковнославянски, так нет – «фальсификатор» изобрел особый язык.

4. Количество «поддельного» материала огромно – тратить такую уйму труда подделывателю не имело никакого смысла. Было бы достаточно и десятой его доли, а между тем мы знаем наверное, что не все Изенбеку удалось подобрать и не все было переписано.

5. Некоторые детали текста указывают на то, что автор «Влесовой книги» дает версию, отличную от общепризнанной, вразрез с традицией. Стало быть, не следует линии «подделывания», он оригинален.

6. Имеются подробности, которые могут быть подтверждены лишь малоизвестными или почти забытыми древними источниками. Следовательно, фальсификатор должен был иметь тончайшее знание древней истории. При таких знаниях проще было быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором.

Итак, чтобы подделать «Влесову книгу», фальсификатор должен был сделать следующее.

1. Отработать технику писания на деревянных досках, причем так, чтобы буквы сохранялись сотни лет, ибо шашель заводится далеко не сразу.

2. Создать алфавит, который, несмотря на близость к кириллице, отличается от нее как отсутствием нескольких букв, так и формой, наличием их вариантов.

3. Изобрести особый славянский язык с особенной лексикой, грамматикой и фонетикой, обладая, несомненно, отличным знанием древних форм славянской речи.

4. Написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов – греками, римлянами, готами (годь), гуннами, аланами, костобоками, берендеями, ягами, хазарами, варягами, дасунами и т. д. Описать также взаимоотношения между рядом славянских племен – русами, хорватами, бруссами, киянами, ильмерами, руссколунами и т. д. Составить особую хронологию и воссоздать множество событий, о которых мы ничего не знаем или слышали о них краем уха.

5. Изложить мифологию древних руссов, показать их миропонимание и религиозную обрядность, включая даже рецепт изготовления сырного напитка.

Кому могло прийти в голову даже косвенно заняться апологетикой язычества и нападками на христианство? Это могло лишь оттолкнуть покупателя дощечек от сделки, ибо пахло чернокнижием.

Совершенно очевидно, что подобная колоссальная работа была не под силу одному человеку. А главное – не имела ни смысла, ни цели. Неужели фальсификатор был до того тонок, что сделал фальсификацию по крайней мере двумя почерками?

Нельзя также не обратить внимания на то, что все в летописи сосредоточено на Юге Руси, а о Средней и Северной нет, в сущности, ни слова. Почему? Ведь вполне естественно, что читателя будут особенно интересовать именно эти страницы. Исключая Среднюю и Северную Русь, «фальсификатор» не только уменьшал интерес к «подделке», но и сделал ее гораздо менее интересной политически. Почему? А просто потому, что летопись касалась исключительно Южной Руси, а о других ее частях не было и речи. К тому же не Киевская Русь была в центре внимания, не Днепр, а главным образом степи от Карпат до Дона, включая Крым. Летопись переполнена готами и гуннами.

Пойдем далее. Если автор был какой-то маньяк, решивший написать величественную историю доолеговской Руси, то почему о славных деяниях он говорит так мало? Наоборот, вся «Влесова книга» переполнена жалобами на раздоры и неурядицы между русскими племенами, а множество страниц прямо непомерно отягощены призывами к единству Руси. Это не панегирик, которого можно было ожидать, а скорее увещевание и даже отчитывание.

Никто не выдвинут на первый план. Все время идет лишь изложение событий: бесконечная борьба Руси с врагами. В одних случаях Русь побеждала, в других терпела жестокие поражения. В одном месте прямо сказано, что Русь трижды погибала, но восстанавливалась. И все это изложено в такой безличной, скучной форме, что о какой-то тенденциозности не может быть и речи. Вся книга посвящена памяти предков и судьбам своего народа. Нет ни малейшего намека на связь прошлого с известной нам историей.

Итак, если мы представим, что «Влесова книга» фальсификация, то не можем найти ни малейшего объяснения для создания ее в наши дни, в наши времена, будь это время рассматриваемо широко, хотя бы в пределах двух столетий. Очевидно, «Влесова книга» была просто реликвией, значение которой было утеряно. Она передавалась из рода в род, постепенно теряя все реальное, что было с нею связано, превращаясь из книги в какие-то старинные деревянные дощечки.

Возможно, кое-кто из владельцев и знал до известной степени, что она собой представляет, но не решался пробить толстую броню духовной лени, боясь стать посмешищем. Возьмем тот же настоящий момент. Вот уже более восьми лет, как открытие дощечек оглашено. Скажите: многие ли знают об этом, многие заинтересовались ими? А ведь дощечки должны были произвести сенсацию во всем культурном мире вроде атомной бомбы или искусственного спутника Земли или иной планеты: не шутка – найти историю неизвестной эпохи в 1500 лет!

Но могут, допустим, сказать, что «Влесова книга» подлинна, почему же о событиях, изложенных в ней, нет ничего в летописи Нестора? Почему до нас не дошли некоторые предания о праотцах (Богумире, Оре и т. д.)? Объясняется все очень просто. Во-первых, Нестор писал историю не столько Руси или Южной Руси, сколько династии Рюрика. Как показывает сравнение с Иоакимовской и 3-й Новгородской летописями, Нестор совершенно намеренно сузил свою историю. Историю Северной, т. е. Новгородской, Руси он почти обошел молчанием. Об Аскольде и Дире он, наверное, знал больше, чем сказано в «Повести временных лет». Но он намеренно опустил некоторые сведения (например, о смерти сына Аскольда и т. д.), которые все же проскользнули в другие летописи. Он был летописцем рюриковской

династии, и в его задачи вовсе не входило описание других династий, поэтому он опустил историю Южной Руси, никакого отношения к рюриковской династии не имеющей. Во-вторых, и это самое главное, сведения о доолеговской Руси были сохранены языческими жрецами или лицами, явно враждебно настроенными против христианства. Пользование такими книгами было «грехом», чернокнижием, еретичеством и для богобоязненного монаха не могло не быть совершенно предосудительным. Именно монахи, подобные Нестору, уничтожали малейшие следы, напоминающие о язычестве. Наконец, у нас нет данных, что содержание «Влесовой книги» было широко известно всем, а не только определенному кругу лиц, близких к язычеству. Поэтому требовать всезнайства от Нестора мы не можем. Не следует забывать, что «Влесова» книга писалась где-то около 880 г. (ее последние дощечки), а «Повесть временных лет» – около 1113-го, т. е. почти на 250 лет позже. А за такой срок многое было утрачено и в писаной форме, и в народной памяти.

Впрочем, что касается народных преданий, то они не совсем улетучились из народной памяти. Отзвуки их сохранились в некоторых источниках апокрифического характера, совершенно не исследованных и в обиход научной истории не вошедших. Кое-что имеется и в народных сказках. Невозможность найти их за границей заставляет нас пока этого вопроса не касаться. Но есть надежда, что кое-какие из них попадут в наши руки для обстоятельного исследования.

До сих пор мы приводили лишь логические доказательства в пользу подлинности «Влесовой книги». Нами найдено, однако, одно и фактическое. Дело в том, что все источники утверждают, будто в Древней Руси существовали человеческие жертвоприношения и что Русь поклонялась кумирам. «Влесова книга» категорически отрицает существование человеческих жертвоприношений, называя это ложью и наговорами греков. О кумирах она не говорит ни слова. Протест «Влесовой книги» был настолько силен, что заставил нас обратиться к летописям и внимательно перечитать все, что там есть о кумирах и жертвоприношениях. Выяснилось, что «Влесова книга» права: в летописи ясно сказано, что кумиры и человеческие жертвоприношения были новинкой, завезенной Владимиром Великим вместе с варягами в 980 г. И кумиры, и жертвоприношения людей просуществовали на Руси не более 10 лет. Во времена же писания «Влесовой книги» их не было. Они существовали у варягов, о чем «Влесова книга» говорит совершенно определенно (к подробностям мы вернемся немного позже).

Таким образом, «Влесова книга» доказала свою правоту и вместе с тем свою подлинность. Надо полагать, что по мере изучения книги найдутся и другие фактические доказательства, ибо истину не упрячешь.

Очевиден вывод: «Влесова книга», безусловно, документ подлинный.

Значение «Влесовой книги». Прежде чем приступить к самому исследованию, полезно будет ознакомиться в главных чертах со значением этого документа. Тогда станет понятна и некоторая скрупулезность, ибо ценны каждая буква, каждое слово, и нужна сухая методичность, так как это не литературный вымысел, и, наконец, осторожность, потому как дело идет о вещах крупнейшего культурного значения. Придется подступаться исподволь, ощупью, постепенно и с большим терпением, чтобы не наделать ошибок. И автор надеется, что читатели внесут свою лепту в дело расшифровки загадочных мест. В таком общенациональном виде не до местничества.

По своему значению «Влесову книгу» можно сравнить лишь с «Повестью временных лет», с той только разницей, что она излагает 1500-летнюю историю народа из отрезка времени, от которого ничего писаного не осталось. Мы отметим следующие, особо важные пункты значения «Влесовой книги».

1. Это совершенно новый исторический источник, притом большого объема. Это настоящая летопись, оригинальный уникум, а не копия. Сообщает она нам много до сих пор неизвестного либо освещает уже известное в значительно ином аспекте. Так, например, она говорит о скотоводческой фазе развития хозяйства русского народа, предшествовавшей более новой, земледельческой. Она излагает неведомые нам доселе события, упоминает народы, о которых мы и не слышали до этого, новые лица и хронологические данные. Ее данные заслуживают особого внимания уже потому, что в ней трактуется об эпохе, от которой почти или вовсе ничего не сохранилось. Не мелкие, ускользнувшие от внимания летописцев подробности предоставляет «Влесова книга», а данные о целой эпохе, совершенно отсутствующие в нашей истории. И сведения эти опять-таки касаются не узкого временного отрезка, а составляют развернутый обзор истории Руси, как он виделся русу середины IX в. «Влесова книга» начинается с безымянного славянского (вернее, русского) Адама и охватывает историю Руси по крайней мере с половины VII в. до н. э. и до половины IX в. н. э. Наша история получает некоторую солидную базу и становится понятной в контексте историй других народов.

До сих пор наша история, начинавшаяся с IX в. н. э., являлась какой-то необоснованной, повисшей в воздухе, без начала. Вдруг почему-то около 860 г. возникал народ, о котором начинала говорить история. Народ большой, занимавший множество земель. Русь уподоблялась Афине Палладе, мгновенно возникшей из головы Зевса. Эта ненормальность теперь устраняется: история Руси удлиняется по меньшей мере на 1500 лет, т. е. на срок, действительно достаточный для развития и расселения большого народа.

2. «Влесова книга» содержит совершенно новые и оригинальные данные о религии наших предков. Иными словами, она много дает для истории религий и понимания славянского мировоззрения. Ибо несомненно, что как минимум 2000 лет языческого миропонимания не могли не отразиться на складе и характере культуры славянина-руса.

О религии наших предков мы до сих пор почти ничего не знали. По крайней мере прямо. Все известное собиралось косвенно. Не сохранилось ни одного языческого источника. Все, что мы имеем, – это пересказы из христианских рук. В этих пересказах, во-первых, не все точно, а во-вторых, не без намерения искажено, так как делалось в разгар ожесточенной борьбы. И очернение противника было одним из методов борьбы с ним. О религии предков мы можем лишь догадываться из запрещений христианской церкви: не делать того, другого. Но почему это делалось язычниками, мы не знаем точно, можем лишь предполагать. А это путь не всегда верный и безупречный.

Кое-что мы можем узнать из сравнения с известным о верованиях других славянских племен. Но недаром французская поговорка гласит, что «сравнение и сходство – это еще не доказательство». «Влесова книга» замечательна тем, что она написана язычником, который сам пишет о своей религии и защищает ее от нападок христиан. Он категорически утверждает, что человеческие жертвоприношения были совершенно чужды религии руссов, но имели место у варягов, называвших Перуна Перкуном. В верованиях древних руссов открывается совершенно особый, оригинальный мир представлений о богах, о жизни и смерти, о правилах поведения и т. д. Хотя все это излагается попутно и недостаточно подробно, многое позволяет сделать довольно хорошо обоснованные умозаключения, так как мы имеем дело с материалом оригинальным и изложенным в различных формах и вариантах, что дает возможность для сравнения. Одна же дощечка целиком содержит языческое «кredo».

Основным выводом является то, что религия наших предков была не политеистична, а монотеистична. Признавался единый бог, но он был троичен в лицах, остальные были мелкие божки.

3. «Влесова книга» – необыкновенно ценный документ для изучения истории языка. Как известно, все самые древние дошедшие до нас источники письменности, во-первых,

сравнительно поздние (древнейшие относятся лишь к X в.), во-вторых, происходят не с территории Руси, в-третьих, все религиозного характера, отражая собой не обычную разговорную речь, а специфически религиозную и к тому же, наверное, не на диалекте Киевской Руси. Наконец, в наших руках имеются только небольшие отрывки, и достаточного понимания состава и форм древней речи мы из них получить не можем. «Влесова книга» же – оригинальный документ, созданный, несомненно, на Руси и состоящий по крайней мере из текста до 3 печатных листов. Это дает значительно более полное представление о языке и его формах. Язык ее, безусловно, гораздо ближе к разговорной речи, чем язык религиозных христианских отрывков. Напомним, что летопись Нестора была написана около 1113 г. и дошла в гораздо более позднем списке. Таким образом, язык «Влесовой книги» не менее чем на 250 лет старше языка несторовской летописи, а ее первые дощечки, вероятно, на века древнее.

4. «Влесова книга» – показатель высоты культуры в IX в. Существовала не только своя письменность, представлявшая собой упрощенную и видоизмененную греческую. Но существовала и писаная оригинальная история своего народа. Русь IX в. была уже не варварской страной, а культурной, интересующейся своим прошлым и знающей его. Она уже прошла стадию истории в устах сказителей и переходила в стадию истории научной. «Влесова книга» совершенно разрушает ошибочные утверждения о примитивности культуры Южной Руси в IX в.

Еще о дощечках Изенбека. Что представляли собой «дощечки Изенбека»? На вопрос автора этих строк Ю. П. Миролюбов в письме от 11.11.1957 г. ответил следующее (дается в извлечении): «Первые дощечки я видел вот при каких обстоятельствах в двадцать пятом году. Встретились мы с Изенбеком у церкви на рю Шевалье в Брюсселе, и он меня пригласил к себе в ателье посмотреть картины... Я заговорил о том, что мы живем за границей и что нет у нас под рукой никаких источников, а что мне нужен «язык эпохи», что я хотел бы писать эпическую поэму о Святославе Хоробре, но ничего нигде не могу о нем даже приблизительно похожего на упоминание найти!..

– А зачем тебе «язык эпохи»? – спросил он.

– Как же? Ты пишешь, тебе нужны мотивы орнаментов Туркестана, а мне не нужен язык эпохи?

– А что тебе именно нужно?

– Ну, хотя бы какие-либо хроники того времени или близко того... Здесь даже летописей нет!

– Вон там, в углу, видишь мешок? Морской мешок. Там что-то есть.

Так началась моя работа. В мешке я нашел «дощечки», связанные ремнем, пропущенным в отверстия (два, как на фотоснимке «Влескиниги»). Посмотрел я на них и онемел!.. Однако Изенбек не разрешил их выносить даже по частям. Я должен был работать в его присутствии. «Дощечки» были приблизительно (подчеркнуто Миролюбовым, как и в других местах ниже. – *С.Л.*) одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного цвета. Изенбек думал, что «дощечки» березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой. Размер одних был больше, других меньше, так что «дощечки» прилегали друг к другу неровно. Поверхность, вероятно, была тоже скоблена перед писанием, была неровна, с углублениями.

Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью.

Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная, а текст был писан под ней так, как это на фотоснимке, который вы воспроизвели на страницах вашей книги. На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку «дошек», чтобы их читать (очевидно, как в листках отрывного календаря. – С.Л.). В иных местах, наоборот, это было как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу видно, что это многолетняя давность.

На полях некоторых «дошек» были изображения головы быка, на других – солнца, на третьих – разных животных, может быть, лисы, собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры. По-моему, это были символы месяцев года. О них я напишу отдельно, в самом конце публикации текстов.

Буквы были не все одинаковой величины. Были строки мелкие, а были (и) крупные. Видно, что не один человек их писал. Некоторые из «дошек» потрескались от времени, другие потрухлявились, и я их склеивал при помощи силикатного лака. Об этом я уже писал.

Однако первые из «дошек» были мною читаны еще в двадцать пятом году, и я уже о них забыл подробности. Римские цифры, поставленные на некоторых из них, были сделаны мной. Надо же было их как-то пронумеровать.

Я посылал в Музей (Русский музей в Сан-Франциско. – С.Л.) по мере расшифровки текстов то, что мог послать, а Кур их нумеровал – «документ № 13», т. е. по порядку получения, а после подбирал по смыслу и нумеровал. Мне кажется, что в связке «дошки» были перепутаны, а нумерация Кура близка к истине. Вот пока все, что могу сообщить о «дошках».

Первые «дошки» я читал с огромными трудностями. А потом привык к ним и стал читать быстрее. Прочитанное я записывал. Буква за буквой. Труд этот тонкий. Надо не ошибиться. Нужно правильно прочесть, записать... Одна дощечка была у меня месяц! Да и после я еще сверял текст, что тоже брало много дней.

Роль моя в «дошках» маленькая: я их случайно нашел у нашедшего их прежде Изенбека. А затем я их переписывал в течение 15 лет. Почему я взялся за эту перепись? Потому что я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории. Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, а также династий князей и всякого такого исторического материала, какого в них не оказалось!

Зато оказалось другое, чего я не предполагал: описание событий, о которых мы ничего не знали, обращение к патриотизму руссов, потому что деды переживали такие же времена, и т. д.».

Вышеприведенным письмом в сущности исчерпывается почти все, что мы знаем о дощечках как таковых. Само собою разумеется, что Ю. П. Миролюбов о глифах, т. е. о фигурах на полях дощечек, ничего не опубликовал. Впрочем, вряд ли он мог сообщить о них что-нибудь существенное после более чем 35 лет. Главное было упущено: при переписывании текста нигде не было отмечено, что такая-то дощечка имела такой-то глиф.

Отметим кстати, что Миролюбов в своем письме напрасно драматизировал обстоятельства: переписывал он текст дощечек не потому, что чувствовал, что они пропадут, а потому, что нуждался в древнем языке. Дощечек ему Изенбек не давал, а чтобы хоть что-нибудь понять, надо было разбить текст на слова. Эту адскую работу он проделал, но у него не было достаточно времени, сил и интереса, чтобы понять содержание дощечек. Здесь есть

и хронология, и события, и лица, но нет лишь той формы, которая пришла в летописи уже на века позже.

Как технически писалась «Влесова книга»? Сначала проводилась через всю дощечку по возможности ровно горизонтальная черта (строчная). Затем начинали писать слева направо буквы, которые все были заглавными, никакого разделения букв на заглавные и строчные не существовало. Все буквы касались верхними своими частями строчной черты. Буква «П» сливалась верхней своей горизонтальной частью со строчной чертой. Буква «і» просто писалась в виде вертикальной палочки вниз от строчной черты. Буква «Т», чтобы отличаться от «і», имела верхнюю горизонтальную черту, проведенную чуть ниже строчной черты, и т. д. Все пространство строчки заполнялось буквами сплошь, без промежутков и переносов. Если слово не было окончено, конец переносился на другую строку, хотя бы это была всего одна буква. Абзацы отсутствовали. Не было никаких знаков препинания, ударений или титл, несмотря на то что многие слова были сокращены. Когда строчка кончалась, проводилась вторая строчная черта и писались буквы, и т. д. Текст переходил с одной стороны дощечки на другую сторону или другую дощечку без каких-либо отметок. Если текст оканчивался еще до конца строчки, то конец ничем не отмечался. В верхней части дощечки было две дыры, через которые продевался ремешок, и, таким образом, тот скреплял дощечки. Нумерации страниц не было.

Алфавит «Влесовой книги». Мы предложили для простоты и удобопонятности назвать алфавит «Влесовой книги» «влесовицей» (ср.: кириллица и глаголица). Характерной ее чертой является близость к кириллице, «влесовица» лишь гораздо более примитивная. В чем? Во-первых, все греческие звуки вроде «фиты», «ижицы», «кси», «пси» и т. д., отсутствующие в славянской речи или передававшиеся комбинацией уже существующих букв, здесь начисто отсутствуют. «Влесовица» – чисто славянский алфавит. Во-вторых, буквы «ы» и «ю» вовсе отсутствовали, заменяясь комбинацией уже существующих. Например, «ы» передавалось как «oi», а «ю» – «iu». Это создавало порядочные неудобства, ибо отличать, когда следует прочесть «ы», а когда «oi» и т. д., было можно лишь по догадке. В-третьих, буква «й» вовсе отсутствовала и произносилась только по слуху. Всюду была буква «і». Хотя и Кур, и Миролюбов утверждают, что буквы «и» не было, мы полагаем, что это относится лишь к большинству дощечек, на других же (реже) было и «и». Это мы заключаем из того, что в текстах и Кура, и Миролюбова эта буква встречается столь часто наряду с «і», что предположить лишь недосмотр или опечатку невозможно.

Будучи примитивной кириллицей, «влесовица», однако, имела ряд отличных букв. Например, «у», «д», «щ». Но эти буквы все же не слишком уклонялись от соответствующих букв кириллицы. Так, «д» передавалась треугольником без добавочных палочек внизу, как в кириллице.

В общем, форма букв была однообразна, без сильных отклонений. Исключением была лишь «б», имевшая по крайней мере пять разных вариантов, сводящихся к двум типам. Нам думается, что второй тип, не похожий на кирилловское «б», – отзвук употребления и другого, далекого от греческого типа алфавита. Писец, привыкший писать и другим алфавитом, по привычке вставлял иной вариант буквы. Сравнение с надписями на древних монетах, предметах, например, из Черной могилы в Чернигове и т. д., может подтвердить наше предположение с долей вероятности.

Следует добавить, что существовала особенность, по-видимому, не замеченная ни Миролюбовым, ни Куром: часто, если буква, которой начиналось слово, совпадала с буквой, которой начиналось последующее, то она писалась один раз, а читалась дважды. Это мы находим и в летописях, где вместо «ис Смоленска» писалось «и Смоленска». Так как в те

времена никаких грамматик не было, а писали на слух, то одно и то же слово почти рядом писали то с «е», то с «е» старославянским. Путали «о» и «а», «е» и «и» и т. д.

Трудности в чтении и понимании «Влесовой книги».

Исследователь «Влесовой книги» часто становится перед множеством почти непреодолимых трудностей.

1) Весь текст дощечек далеко еще не опубликован. Мы вряд ли ошибемся, приняв, что опубликовано около 3/4 текста.

2) Мы знаем достоверно, что некоторые стороны дощечек по неизвестным причинам не были переписаны Миролюбовым.

3) Почти наверное можно утверждать, что не все дощечки и части их были подобраны Изенбеком, тем более что собирал их не он сам, а его вестовой.

4) Дощечки были в разной степени сохранности: у некоторых отломаны части, иные места проедены червем, отдельные места сколоты, многие буквы неразборчивы или вовсе стерты. Отсутствуют иногда не только буквы, но даже целые строки.

5) Текст опубликован неудовлетворительно – с опечатками, пропусками, перестановками по сравнению с оригинальной записью Миролюбова. Наконец, некоторые дощечки, опубликованные как цельные, на деле являются смесью отрывков из различных дощечек.

6) Дощечки не были нумерованы, и исследователь стоит перед настоящим хаосом, будучи не в состоянии разобраться, где начало, где конец, какая сторона дощечки четная, какая была предыдущей и какая последующей. Некоторые из дощечек не были связаны, и есть основания думать, что в связках бывает первоначальная последовательность, но уверенности в этом нет, ибо связки могли быть сделаны впоследствии, без какого бы то ни было порядка.

7) Не всегда есть уверенность, что Миролюбов верно прочитал текст или переписал его, ибо «человеку свойственно ошибаться». А ошибиться в таком хаосе чрезвычайно легко, ибо внимание скоро утомляется.

Перечисленные пункты могут быть объединены под рубрикой: «Неполнота текста и отсутствие порядка в нем».

Следующим огромным затруднением является писание сплошняком, т. е. без знаков препинания, абзацев, деления на слова. Вследствие этого строчку «сплошняка» можно разбить на ряд слов, но по-разному. И каждое деление может дать известный смысл, но какое деление будет правильным, часто сказать трудно или почти невозможно. В особенности это касается случаев, когда имеется пропуск хотя бы одной буквы. Имеются и намеренные пропуски букв летописцами «Влесовой книги» для сокращения письма.

Эти сокращения в те времена были общеприняты и общеизвестны, но эти условности становятся понятными нам лишь после изучения и при первоначальном чтении нелегко улавливаются.

Наконец, бывает, когда летописец делает ошибку, но «зачеркивает» написанное. Так, например, во 2-й строчке начала «Влесовой книги», в конце ее, он написал букву «ц», а следовало «о», он эту букву зачеркнул двумя косыми линиями. Кур не заметил этого и прочел зачеркнутую букву как «щ».

Кроме того, так как дощечки писались в разное время, одно и то же слово звучит или пишется по-разному: один летописец говорил и писал «менж», «ренка» и т. д., другой уже выговаривал и писал «муж», «рука». Путалась и орфография.

Были и затруднения с буквами «ы» и «ю», которые могли читаться в разных случаях по-новому. Наконец, не всегда «я» и «ia» были равнозначны. Некоторые буквы были близки по начертанию, например, «д» и «о», «о» и «у» и т. д. Достаточно было утратиться кусочку краски, отщепиться дереву, сесть пятну и т. д., и буква могла быть прочитана неверно.

Наконец, даже когда текст вполне сохранен и разделение строк на слова не возбуждает сомнений, мы наталкиваемся на непонимание из-за незнакомых слов, необычных оборотов речи или незнания обычаев либо лиц, о которых идет речь. Некоторые слова, безусловно, изменили с того времени свое значение или смысловые оттенки.

Словом, перед исследователем – хаотическая масса языкового, исторического и других материалов, которая может быть приведена в порядок только объединенными усилиями многих лиц.

Успеху может способствовать лишь строго научная система, при которой первое место отдается логике и знанию, а не фантазии или «вдохновению».

Опыт изучения «Слова о полку Игореве», сохранившегося гораздо лучше, показывает, как много нелепостей было выдвинуто из-за необузданной фантазии и, главное, незнания предмета. Будем надеяться, что изучение «Влесовой книги» пойдет по разумному пути – медленного, постепенного поиска истины.

Техника чтения и перевода «Влесовой книги». Мы применяли следующие приемы: сначала переписывали весь «сплошняк», затем апострофами выделялись ясно понимаемые слова. Неясные места оставались нетронутыми, хотя бы они и занимали целые строки. Одно и то же место читали много раз подряд, чтобы запомнить известное сочетание звуков, а также другие места прочитывали для обогащения памяти. При этом часто обнаруживалось, что одно и то же выражение повторялось, и, будучи сравненным с разным контекстом, оно давало возможность наконец понять выясняемое.

Из хаоса прежде всего вставляли отдельные, очень часто повторяемые слова и частицы. Например, слово «бо» встречается огромное количество раз, играя роль только связующей частицы. Ее употребляли наши предки для того, чтобы речь была плавной. «Бо» чаще всего означает «ибо», но часто его вовсе не следует переводить, так как оно в большинстве случаев – лишь украшение речи, элемент стиля. Бросается в глаза и очень частое употребление слова «а». Это не противопоставление, а связующее слово и обозначает «и», хотя и «и» существовало одновременно. Это «а» применялось для плавности речи, и его можно опускать.

Всюду нам попадает слово «есь» вместо «есть». В подавляющем большинстве случаев – это глагольная форма, отдельное слово, а не часть какого-то иного. Поэтому вычленение его почти безошибочно. Слово «есь» является уже промежуточной стадией в упрощении и сокращении обычных форм, в дальнейшем они совершенно отмерли и исчезли. Было первоначальное «есте». Далее стало «есть». Затем «есь», потом, например у украинцев, «е», и, наконец, слово вовсе отмерло. Никто теперь не скажет: «я – есмь» или «вы – есте», а просто: «я – такой-то», «вы – то-то».

Бросается в глаза наличие сложных старинных глагольных форм. Например, «Книга» пестрит словами «смехом», «ста» и т. д. Все они непереводимы, ибо в современном языке уже отмерли.

В говоре гуцулов на Карпатах, т. е. в области, где наши предки, несомненно, одно время проживали, еще по сей день существует форма «сме» или «сми» для первого лица настоящего времени и прошедшего, Например: «я ходиу сми» – «я ходил». Частичка «сме» – форма от глагола «быть». Интересно, что форма эта уцелела лишь в горах, в говоре гуцулов, в предгорьях же, т. е. на Покутье, ее уже нет.

Отметим также, что в гуцульском говоре условное наклонение, как в церковнославянском и в старорусском, выражается с помощью остатков, аориста: «бым», «бысь», «бы», «бысьмо», «бысте». Отсюда: «ходиу бы» – «я бы ходил», «як бысте знали» – «если бы вы знали» и т. д.

Отмершая частица сложной глагольной формы «стахом» или «ста» до сих пор уцелела, потерявши смысл, в выражении «мыста», означающем некоторое превосходство. Сохранились многие теперь уже укороченные формы слов, Например «братр», встречающееся у дру-

гих славян и поныне. Особенно часто отмирали конечные согласные, когда их было две. Например, вместо «могл», «принесл», «привезл» получились современные «мог», «принес», «привез» и т. д.

Обращают на себя внимание во «Влесовой книге» не только сокращения, но и частые усечения слов. Некоторые сокращения, по-видимому, имели постоянный характер. Например, писали «бзі» вместо «бози», «слава» соответствует «слава» и т. д.

Усечения выражались в том, что не писали «Даждь-бог», а – «Дажбо». Наподобие того, как наше «спаси, Бог» превратилось в «спасибо». Интересно, что производные формы были также усеченными: «Даждь-бові внуці», а не «Даждь-богові внуці». Следует еще раз отметить, что если конечная буква слова совпадала с началом последующего, то писалась она один раз, а читалась дважды. Например, «сплошняк» «арещемусварг» расшифровывается «а реще (е)му Сварог» и т. д.

При многократном чтении текстов отмеченные слова, как и некоторые другие, им подобные, вычлняются легко и позволяют разделить «сплошняк» гораздо быстрее. Подробности будут изложены в дальнейшем.

Погрешности комментаторов. Даже совершенно ясный грамматический текст может быть понят и поставлен в сравнение неверно. Поэтому необходимо отметить несколько погрешностей в комментариях А. А. Кура, чтобы они не получили дальнейшего распространения. Как показывает фото одной из дощечек (см. дальше), все буквы писались под горизонтальной линией, идущей вдоль всей строки. Первый комментатор «Книги» А. А. Кур («Жар- птица», 1954, январь, стр. 13) пишет: «... А над линией ставились какие-то знаки: или знаки раздела на слова, или сокращения-титлы». Эта подробность относится к письменности Индии, а не к «Влесовой книге». Однако фраза А. А. Кура построена так, что можно понять, мол, именно это относится к «Влесовой книге». Вообще, изложение А. А. Кура не всегда достаточно отчетливо, и к некоторым его объяснениям необходимо относиться с осторожностью: он явно склонен сблизжать «Влесову книгу» с традицией Индии, Вавилона и т. д., а между тем «Книга» совершенно своеобразна и очень далека по содержанию от упомянутых источников.

Далее (с. 14) он пишет: «На некоторых дощечках среди текста помещены фигуры, изображающие быка и собак. Это глифы, т. е. картинное письмо, наличие которых в тексте само собой указывает, что картинное письмо как основа символов, знаков-букв еще не было изжито.». Это утверждение совершенно неверно. На фото есть знак собаки (или лошади?), но вне текста. О присутствии в тексте этих знаков Ю. П. Миролубов не говорит ни слова, а речь ведет о знаках на полях дощечек. Равным образом нет ни одной отметки в тексте, что эти знаки были. Знаки не были частью текста. Они обозначали нечто вовсе иное, имеющее к тексту лишь косвенное отношение. Они играли роль каких-то указателей.

Вообще стремление А. А. Кура связать во что бы то ни стало «Влесову книгу» с Индией, Ассирией и т. д. недоказательно и насильственно, хотя и понятно: А. А. Кур – ассириолог. Однако мы можем положительно утверждать, что картинное, идеографическое письмо начисто отсутствует во «Влесовой книге». Равным образом неверно и следующее утверждение А. А. Кура (с. 13): «Прототип этот родился где-то на юге и, безусловно, в основе своей имеет азбуку Асур, или, как ее называют, древнебиблейскую, т. е. ту, на которой писались те древние документы, из которых впоследствии выросла древняя Библия. Конечно, не надо эту азбуку смешивать с т. н. еврейской, или иудо-раввинской, как изобретенной много позже и после Рождества Христова».

Не будем удаляться во тьму времен, о которых мы почти ничего не знаем. Нам ясно одно: «влесовица», безусловно, имела прототипом кириллицу, ибо по крайней мере 9/10 ее почти идентичны. Обе эти азбуки основались на греческой азбуке. Поэтому если связывать алфавит Асур, то надо сравнивать его с греческим алфавитом, учитывая также, писа-

лись ли буквы справа налево или слева направо, ибо это влияет на технику письма и форму букв. Весьма возможно, что буквы Псалтыри, найденной в Корсуни святым Кириллом, были близки к буквам «влесовицы», но утверждать, что они были (стр. 14) «как раз теми же письменами» (подчеркнуто А. А. Куром), нельзя.

У А. А. Кура создалось впечатление, что язык «Влесовой книги» (стр. 14) – «смесь русского, славянского, польского и литовского языков». Анализ всех доступных нам дощечек показал, что литовские слова начисто отсутствуют. «Влесова книга» написана на примитивном славянском языке.

По А. А. Куру (с. 14), «встречаются слова чисто библейские, Например, при славословии Сури называют ее Адонь – госпожа». Если мы обратимся к тексту («СУРІА, СВЕТІ, НАНЬ, А, ДО, НЬЯ, ВІДИМО»), то убедимся, что этот отрывок вовсе не славословие и слова «адонь» вовсе нет; имеется «а до нь», т. е. «и до нас». Да и вообще, как могло попасть библейское выражение в книгу языческих жрецов, проникнутую ненавистью к грекам и христианству? Возможность библейских выражений совершенно исключена.

На той же странице находим: «Встречаются также выражения древнеиндусские; видимо, часть какого-то гимна или молитвы на языке пракрита... для примера укажу: «АНИМАРАНИМОРОКАН...»». Трудно понять, что индусского в этом отрывке нашел А. А. Кур. Во-первых, это не гимн, отрывок взят из фразы: «А ни Мара, ни Морока не смеемо сланити». На самом деле это запрещение поклоняться «чернобогам» Мару и Мороку. Во-вторых, никакой связи с Индией нет. Равным образом А. А. Кур без оснований (там же, с. 14; сентябрь, стр. 32) связывает праотца Оря с Индией. Речь идет о Причерноморье и гуннах («идемо от земе тоя, идеже хуние наши братчи забиют»). Никогда гунны из Индии славян не изгоняли. «Влесова книга» всем своим основанием плотно сидит в Средней и отчасти Юго-Восточной Европе, и лишь ложнотечения позволяли А. А. Куру найти какие-то индийские «мотивы».

Вообще даже в текстах с обычным смыслом А. А. Кур делает ошибки. Совершенно ясную фразу (дощ. № 7): «КІЕ БОРЗО ІДЕ, БОРЗЕ ІМА СЛАВУ, А КЬЕ ПОТІХА ІДЕ, ТО ВРАНІЕ НА НЕ КРЯЩУТЬ» А. А. Кур («Жар-птица», 1955, февраль, с. 28) понимает так: «Приводит в пример князя Кия, который в поход отправляется всегда тихо, даже осторожные вороны не кричат, видя его воинов в походе». Слово «кие», т. е. «которые», А. А. Кур превращает в князя Кия и совершенно извращает смысл фразы. В действительности сказано: «(те) которые скоро (борзо) идут в поход, имеют славу, а которые медленно идут, то на них (мертвых) вороны кричат». Смысл совсем противоположный тому, что дает А. А. Кур. Тем более что добавлено: «Нападем как соколы» и т. д.

Эти примеры показывают (а их можно значительно умножить), что к комментариям А. А. Кура надо относиться с большой осторожностью.

Время и место написания «Влесовой книги». Время написания «Влесовой книги», вернее последней ее части, устанавливается довольно точно: между Аскольдом, Диром и Рюриком («Ерек») с одной стороны и Олегом с другой; вероятно, около 880 г. Летопись не была чем-то строго единым. Уже Миролюбов отметил, что писцов было по меньшей мере два. Анализ дощечек показывает, что, рассказывая о разных событиях, летопись не раз упоминает – до настоящего времени («до суть»). Совершенно очевидно, что это настоящее время было весьма разное. По мере хода времени к основной летописи добавлялись новые события. Разновременность записей подтверждается также разницей в языке и стиле. Начало «Книги», вероятно, на несколько столетий древнее ее конечной части. Интересно отметить, что о нападении руссов на Царьград в 860 г. нет ни слова. Впрочем, вопрос о том, какая Русь нападала на Царьград, еще не выяснен. Есть место, где время написания установлено точно. К сожалению, мы не имеем вполне ясного понимания этого места. Сказано, что варяги прогнали хазар за... (не расшифровано) до настоящего времени.

В отношении места написания летописи нами была высказана мысль, что область автора ««Влесовой книги» лежала где-то на линии Полоцк – Туров, т. е. там, где язычество особенно долго удерживалось на Руси» («История руссов в неизвращенном виде», 1957, вып. 6, с. 619–620). Основание для этого мы видели в языке книги, содержащем много «половизмов», а также в указании местностей, имен и народов, чаще всего в ней упоминаемых. В настоящее время, после более тщательного знакомства и изучения большого числа дощечек, мы склонны отодвинуть место повествования более к югу. Если бы автор жил к северу от Припяти, он должен был бы больше упоминать о ятвягах, литве, жмуди и т. д. На деле же центр тяжести все время в Причерноморье, именно – в степной его части. Киев хотя и упоминается, но первенствующей роли не играет. Наоборот, упоминаются Волынь, Голынь, Русколунь, Воронжец и т. д. Равным образом в народе ильмерском вряд ли можно усмотреть обитателей озера Ильмера (его побережья), или Ильменя, т. е. новгородцев. Из дополнительных текстов видно, что Ильмень связан с готами. А кроме того Боплан отметил, что еще в XVI столетии Днепровско-Бугский лиман назывался Ильменем. Все это относит место действия (и автора летописи) на юг, в степное Причерноморье.

Кто был автором «Влесовой книги»? Мы высказали предположение, что это был жрец или жрецы языческой религии древних руссов. Это и верно, и неверно. Сколько можно судить по всем имеющимся данным, религия руссов отличалась такими особенностями: 1) храмов руссы не возводили, хотя, конечно, были места, особо почитаемые и служившие целям разных религиозных церемоний; 2) кумиров они не воздвигали и 3) как следствие, специальных жрецов не имели. Функцию жрецов выполняли старейшие в роде. Таким образом, жрецов «de jure» не было, но они существовали «de facto».

Можно думать, что с осложнением человеческих отношений, с появлением зачатков феодализма, под влиянием варваров и т. д. должна была выкристаллизоваться и каста наподобие жрецов. Это были старейшины, хранители старины и традиций. Их возраст, знания выделяли их из общей массы и тем создавали предпосылки для их обособления. Вероятно, они также врачевали, гадали, были советниками. Из этой-то среды и вышел автор «Влесовой книги».

Несмотря на то что некоторые части летописи написаны разными авторами, летопись имеет основное ядро, написанное одним человеком. Последующие дополнения делались уже по заданному трафарету. Красной нитью проходят всюду нелюбовь к христианству и наличие упорной политической и идеологической борьбы с ним. Автор был закоренелым язычником и прежде всего патриотом. В измене своей вере он видел гибель народности, он рьяно отстаивал традиции.

Почти наверное можно сказать, что киевлянином он не был. О родственных отношениях племен вокруг понятия «Русь» будет речь впоследствии.

Публикация о «дощечках Изенбека». В журнале «Жар-птица» за 1954 г. имеются статьи А. А. Кура (январь, февраль, сентябрь и декабрь). Там же – за 1955 (январь, февраль). В 1956 г. о дощечках ничего не напечатано.

Типографским способом опубликован текст дощечек в том же журнале. Приводим время в порядке дощечек: № 1, 2а – 1958, март; № 2б, 3, 4а, 4б – 1959, май; № 4в, 5 – 1957, сентябрь; № 6а – 1957, декабрь; № 6б – 1958, январь; № 6в, 6 г – 1959, март; № 7а – 1958, июнь; № 7б – 1958, июль; № 7д, 7с – 1958, сентябрь; № 8а, 8б – 1957, август; № 9 – 1957, март; № 10 – 1957, апрель; № 11, 12, 13 – 1959, февраль; № 14 —??; № 15 – 1958, май; № 16 – 1958, ноябрь; № 17а, 17б – 1958, апрель; № 18 – 1959, январь; № 19 —??; № 20 – 1958, декабрь; № 21, 22, 23 —??; № 24а, 24б —1957, июль; № 25, 26 —??; № 27 – 1958, октябрь.

Л. П. Жуковская Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок)¹

От редакции журнала «Вопросы языкознания»

Как сообщает в своей книге «История «руссов» в неизвращенном виде» (вып. 6, Париж, 1957) Сергей Лесной (С. Парамонов), в 1919 г. А. Изенбек вывез из какого-то имения Орловской или Курской губернии деревянные дощечки с текстом, по всей видимости славянским, получившие позднее название «Влесовой книги». После смерти А. Изенбека (1941 г.) дощечки были утеряны. Сохранилось лишь несколько фотографий и переписанный, вернее транслитерированный, текст «Влесовой книги», выполненный Ю. П. Миролубовым. Этот текст в настоящее время издается в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско). В своих статьях ««Влесова книга» – летопись языческих жрецов IX в., новый, неисследованный исторический источник» и «Были ли древние «русы» идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы», присланных в адрес Славянского комитета СССР из Австралии (г. Канберра), С. Лесной призывает специалистов признать важность изучения «дощечек Изенбека», в которых он видит подлинную древнерусскую рукопись IX в., не предлагая, впрочем, необходимого для обоснования подобного мнения палеографического и лингвистического анализа текста. Публикуем в разделе «Письма в редакцию» ответ Л. П. Жуковской на просьбу редакции высказать свое мнение относительно опубликованной С. Лесным («История «руссов»...», вып. 6) фотографии одной из «дощечек Изенбека», содержащей начало «Влесовой книги».

Фотография, опубликованная С. Лесным, не является снимком с доски. В ней на расстоянии 2–2,5 см, 6,5 см, 10,5–11 см, 15,5 см от левого края прослеживаются тени, образовавшиеся, по-видимому, от сгибов материала, с которого производилось фотографирование. С доской этого произойти не могло. В правой половине снимка начертания многих букв расплылись; следовательно, фотографировался не твердый материал с начертаниями, выполненными посредством прорезывания и выщербления его, а письмо, расположенное в одной плоскости, нанесенное красящим веществом. Все это говорит о том, что фотографировалась не сама «дощечка», а бумажная копия с нее или прорись. Есть основания полагать, что при изготовлении снимка была произведена ретушевка. Все это совершенно недопустимо при научном воспроизведении текста.

Графика. Текст, изображенный на фотографии, написан алфавитом, близким к кириллице: помимо букв кириллицы, совпадающих с буквами греческого устава IX в., в графике «дощечки» имеются свойственные кириллице буквы **б, ж, з, ш, щ, #, я**. В отличие от кириллицы в графике «дощечки» отсутствуют буквы, обозначающие носовые гласные, – **ф, ѳ, ѱ, ѻ**, буквы **йе, ф, ѳ, s, а, #, ѱ, #**, а также имеются следующие особенности: буква **ч** отсутствует, ее заменяет буква **щ**, вследствие этого буква **щ** в «дощечке» соответствует двум кириллическим буквам – **щ** и **ч**; отсутствует буква **ю**, ее, видимо, заменяет сочетание **ј** десятиричного с буквой **у**; отсутствует кириллическое **н**, звук **н** передается буквой **и**, т. е. начертанием не с горизонтальной, а с косой переключиной; при этом звук **и** передается буквой **ј**; отсутствуют

¹ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144. Источник: <http://lib.rus.ec/b/207298/read>.

буквы ъ, ѣ, ѥ; из них букве ъ, являющейся составной частью кириллической буквы ѣ], в рассматриваемом тексте соответствует буква о с небольшой развилкой вверху, вследствие чего она несколько напоминает кириллическую лигатуру у; звук у при этом передается чаще буквой у, реже – двубуквенным написанием оу; возможно, что некоторые буквы в виде у (т. е. о с развилкой) обозначают также у; в тексте представлено два графических варианта для передачи звука с и два – для звука е (оба последние после согласных, а не j).

В графике «дощечки» имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям. Так, одно из указанных начертаний буквы с не встречается в кириллических почерках и напоминает ζ или ζ некоторых типов древней греческой письменности. В тексте имеется греческая «дигамма», восходящая к минойской «геме» и встречающаяся также в курсивном маюскуле и римском унциале. Эта буква обозначает, по-видимому, какой-то или какие-то губные звуки, но не п и не м, так как для обозначения последних употреблены соответственно буквы п и м. На фотографии указанная буква находится в строке I – № 19, 31, в строке IV – № 5, V – № 5, 29, 40, 51, VI – № 32. Начертания указанных знаков не вполне идентичны, поэтому нет полной уверенности, что во всех этих случаях написана одна и та же буква. Видимо, для буквы в имеется графический вариант, представляющий как бы соединение буквы г нормального размера с наложенной на нее в нижней части небольшой буквой в; при этом совмещены мачты обеих букв. Этот знак имеется в строке I – № 40, II – № 13, 23, VI – № 18, VII – № 17. Буква а пишется как в латинском курсивном маюскуле и напоминает начертание современной греческой λ; буква я сохраняет эту особенность начертания. Своеобразна буква т: ее перекладина чаще перечеркивает мачту, а не размещается поверх нее. Имеются знаки, не поддающиеся интерпретации: таковы, например, № 10 в строке V и № 8 в строке IX, которые представляют вертикальную черточку, не доходящую до нижнего уровня букв текста, а также совершенно своеобразный знак № 42 в строке II.

Таким образом, графика «дощечки», имея некоторые особенности кириллицы, не столь совершенна при передаче звуков славянской речи и в ряде черт приближается к другим древним алфавитам.

Палеография. Как известно, метод палеографического анализа состоит в сопоставлении неизвестного материала с известным, территориально приуроченным и датированным. Поэтому при палеографическом анализе рассматриваемого памятника, который объявляется древнейшим, исследователь не может опираться на твердые данные палеографии, и приметы ранней кириллицы могут представлять лишь косвенное доказательство. Специфичными в этом плане являются буквы р, х, #, расположенные в строке и не выходящие в межстрочные поля. Однако буквы # и р при этом иногда значительно наклонены вправо, выполнены небрежно, как это свойственно новейшим почеркам, имитирующим печатные буквы. Буква щ в некоторых случаях также размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы. Древними являются симметричное ж и буква м с овалом, провисающим до середины высоты буквы, что сближает ее с соответствующей буквой в надписи царя Самуила 993 г. За древность говорит так называемое «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней. Для кириллицы эта черта неспецифична, она ведет скорее к восточным (индийским) образцам. В тексте сравнительно хорошо выдержана сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника.

Следует особо отметить, что начертания буквы д, представленные на фотографии, соответствуют греческим уставным, а не кириллическим образцам, хотя и те и другие близки между собой. Буква щ также больше напоминает некоторые древние начертания ψ, чем щ

кириллицы. Своеобразно начертание ш с сильно заниженными и разведенными от центра крайними мачтами, что также позволяет сближать его с греческим ψ, а не только с кириллическим ш.

Таким образом, данные палеографии, хотя и вызывают сомнение в подлинности рассматриваемого памятника, в то же время и не свидетельствуют прямо о подделке. Но при этом необходимо учитывать, что без сопоставимого материала палеография бессильна. Да и сама фотография сомнительна, так как является снимком не с оригинала (хотя бы и поддельного), а с прописи или с копии, в результате чего начертания огрублялись и изменялись в лучшем случае дважды (при изготовлении прориси или бумажной копии и при фотографировании, в процессе которого была допущена ретушевка). Поэтому окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа, для которого исследователь имеет твердые факты.

Орфография и язык. Анализ графики и палеографии показал, что если «дощечка» подлинна, то ее следует датировать периодом до того времени, когда основным алфавитом у славян стала кириллица, т. е. периодом до X в. В этот период предкам всех славянских языков (вопроса о конечной стадии общеславянского языка мы намеренно здесь не касаемся) были свойственны открытые слоги, носовые гласные, особые фонемы #, ъ, ѣ и другие черты фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся в отдельных славянских языках. Орфография «дощечки» не позволяет выявить судьбу этимологических редуцированных, так как для нее характерен пропуск букв, обозначающих гласные звуки вообще, а не только редуцированные в том или ином положении (это позволяет сблизить письмо «дощечки» с семитскими системами письма). Лишь написания **вўждўј** – IX строка и **дў** – IX строка с буквой ў (т. е. ѣ) на месте этимологического **о**, если они интерпретированы нами правильно, указывают на близость звуков ѣ и **о**, что для IX–X вв. нереально.

Примерами, характеризующими носовые, по-видимому, могут быть следующие: **менж** – II, IV строки, **грендеме** или **гренде** – VI при **гредехўм** – VIII в том же корне, **слвен** – IX, **пршен**, **дщен** – X (если здесь действительное причастие глаголов IV класса), **жену** – III, **млбоу** или **млвоу** – V (понимание слова зависит от того, как читать дигамму), **се** – VII, VIII, **моля** – IV, **наша** – VIII строка (если это винительный падеж множественного числа). Вряд ли этот материал показывает, что писавший текст не умел обозначать носовые. Скорее, можно полагать, что он вообще не имел их в своей речи. Ни один из славянских языков в указанное время не мог иметь подобный комплекс черт, характеризующих этимологические носовые. Картина здесь представлена следующая: 1) уже начался процесс деназализации, в ходе которого **о** совпадало с **у**, а **е** – с **е** (т. е. как позднее в сербском); 2) в положениях, где носовые сохранялись, они акустически и артикуляционно близки; ср. **менж** и **гренде** (т. е. как позднее в польском); 3) процесс деназализации начался с отдельных слов, корней и форм, причем в других корнях и глагольных формах носовые гласные задерживались.

Буква # в соответствии с этимологией написана в словах: **прс#ще** – V, **јм#мў** – VIII, **нўјн#** – IX и, возможно, **оуп#ха** – IV строка; буква # вместо е написана: **вўнўјврм#нуј** – II, **бя блгадрл#** – II, **рщ#мў** – VIII, **о куд#енўшўј** – X строка; буква е вместо # написана в следующих случаях: **јмемў** – VII, **векўј** а **дў велўј** – IX, **млве** (или **млсе**) – V, **прсне** – IX, **врцет се** – X строка; буква **я** вместо # пишется в слове **бя** – 4 раза и, возможно, в других случаях, более сомнительных. Написание **я** вместо # еще можно было бы объяснить для более позднего периода, если видеть в авторе восточного болгарина; но написание е на месте этимологического # для этого периода объяснено быть не может. Совмещение в одном памятнике, причем памятнике оригинальном, указаний на закрытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к #, а также этимологически правильных написаний свидетельствует против его достоверности.

Известному факту мягкости шипящих и **ц** в указанный период противоречат написание **куд#снушүј** – X с окончанием **үј** вместо и в именительном падеже множественного числа, **вүјждүј** – IX с окончанием **үј** вместо буквы, обозначавшей **ѣ** в винительном падеже множественного числа (если здесь не форма именительного падежа единственного числа, так как можно читать **славѣн вүшдүј**) «славящий вождей» и **слвен вүждү** «славен вождь»). Как бы ни интерпретировать приведенные примеры, очевидно, что употребление после мягкого звука **жд'** или **ж'д'ж'**, образовавшегося из сочетания ***dj**, и после мягкого **ц'** букв, обозначавших **ы** и **ь**, в то время как здесь были совсем иные фонемы **и** и **ь**, является доказательством подложности текста.

Обращают на себя внимание совершенно невозможные формы: **два дщере** – III строка вместо **дв#** в именительном – винительном падеже двойственного числа; употребление 2-го лица единственного числа сигматического аориста **имаста она** – III, где в повествовании о третьих лицах должна быть употреблена форма 3-го лица; неправильные формы винительного падежа, следующие за указанной формой глагола: **сктјј а краве ј мнга овној** – III вместо ожидаемых: **сктүј а кравүј ј мнгүј овнүј**, а также **моля бзј** вместо **моля бгүј** – IV/V строки; не может быть отнесена к IX–X вв. форма действительного причастия **јмщ** – III в именительном падеже единственного числа мужского рода вместо **јмү** или **јмүј**. Мы не рассматриваем другие сомнительные факты морфологии, поскольку нет полной уверенности в правильном прочтении текста, многие места которого совершенно непонятны и не могут быть интерпретированы даже с натяжками, как это, возможно, было допущено выше.

Таким образом, данные языка не позволяют признать текст «дощечки», изображенной на фотографии, древним, а самый памятник – предшественником всех известных славянских древних рукописей. Не является «дощечка» также и более поздним памятником, написанным после распространения кириллицы у славян. Рассмотренный материал не является подлинным.

Содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Велес) позволяют предположить, что указанные «дощечки» являются одной из подделок А. И. Сулакадзева², возможно, именно теми буквыми дощечками, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей. В рукописи А. И. Сулакадзева «Книгорек» (т. е. каталог) имеется следующее указание на дощечки, находившиеся в его собрании: «Патриарси на 45 буквых досках Ягипа Гана смерда в Ладогѣ IX в.»³. И. И. Срезневский писал: «Сулакадзев, упоминаемый в письме Востокова к графу Румянцеву, издавна собирал рукописи, которые еще и недавно были в распродаже у ветошников, и, как оказалось, многое подделывал и в них, и отдельно. В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий»⁴.

² См.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V.

³ См.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 101.

⁴ «Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснит. примеч. И. Срезневского» // Сб. ОРЯС, 1873. Т. V, вып. 2, С. 412.

В. И. Буганов, Л. П. Жуковская, академик Б. А. Рыбаков Мнимая «древнейшая летопись»⁵

Более 20 лет назад в малоизвестном журнале «Жар-птица», издававшемся на русском языке в Сан-Франциско (США) ротاپринтным способом, была опубликована серия статей двух русских эмигрантов – писателя Ю. П. Миролюбова и этимолога-ассиролога А. А. Кура. В сенсационном духе эти авторы, весьма далекие от специальных занятий русской историей, сообщали об открытии древнейшего якобы источника по истории восточных славян – так называемой «Влесовой книги» (в ней упоминается Велес, Влес – бог скота и денег у восточных славян). Они утверждали, что находка является оригинальным памятником, составленным около 880 г. языческими жрецами, которые использовали знаки докириллического алфавита. Написана книга, по уверению Миролюбова, на дощечках (в количестве примерно 35). В 1919 г. во время наступления белогвардейских войск на Москву некий А. Ф. Изенбек, полковник Добровольческой армии, нашел эти дощечки в каком-то помещицьем имении то ли Курской, то ли Орловской губернии; принадлежало имение то ли князьям Задонским (или Донским, Донцовым), то ли князьям Куракиным. Текст «Влесовой книги» в 1954–1959 гг. был опубликован в том же эмигрантском журнале.

Уже эти сведения настораживали. Никакого княжеского рода Задонских (или Донских, Донцовых) в России не существовало. Справки, наведенные у одной из Куракиных, не подтвердили наличия имения, принадлежавшего этой фамилии в указанных губерниях. Кто такой Изенбек, у которого Миролюбов якобы видел в 1925 г. пресловутые «дощечки» в Бельгии, где оба они проживали после бегства из революционной России? Примечательно, что ни тот, ни другой не показали их никому, в том числе специалистам из Брюссельского университета. «Дощечки» (если они существовали) исчезли после смерти Изенбека (август 1941 г.), остались только копии (прориси и фотографии), сделанные Миролюбовым и переправленные им в Русский музей – архив в Сан-Франциско.

Несмотря на многие темные и неясные моменты в истории с находкой «дощечек», нашлись люди, поверившие Миролюбову. Среди них был и С. Я. Парамонов – энтомолог, бежавший в 1943 г. вместе с фашистскими оккупантами из Киева, перебравшийся затем в Австралию и получивший там должность правительственного энтомолога. Помимо основной своей специальности он занимался историей и литературоведением. В 1950—1960-е гг. им был опубликован (под псевдонимом Сергей Лесной) ряд книг о происхождении славян, истории Древней Руси, «Слове о полку Игореве»; в некоторых из них он сообщал об упомянутых выше «дощечках». Наконец, в 1966 г. он выпустил посвященное им сочинение «Влесова книга» (вып. I, Виннипег, 1966). Дилетантизм С. Лесного в гуманитарных науках, псевдонаучность и крайне низкий уровень его трудов в этой области давно отмечены советскими учеными.

Характерно, что те лица, которым стал доступен текст «дощечек», на протяжении многих лет хранили молчание об этом как будто бы уникальнейшем памятнике. Все они были в науке людьми случайными. С. Лесной даже в наиболее близкой ему области (например, в работах о «темных местах» «Слова о полку Игореве», связанных с упоминаниями природных явлений) проявил себя как дилетант. «Его «исследования», – отмечалось в «Трудах» Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР, – порочное, позорное явле-

⁵ Буганов В. И., Жуковская Л. П., академик Рыбаков Б. А. Мнимая «древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202–205.

ние в истории изучения «Слова о полку Игореве», в полном смысле темное место в изучении великого памятника»⁶.

Итак, со времени обнаружения «дощечек» никто из специалистов за рубежом ими не занимался. В конце 1950-х годов фотография текста одной из них (точнее, фото с прориси или копии Миролубова) была прислана С. Лесным на заключение в Комитет славистов СССР. В отзыве, данном 15 апреля 1959 г. академиком В. В. Виноградовым, и в статье Л. П. Жуковской⁷ указанный текст характеризовался как подделка. Это устанавливалось путем анализа графики, палеографии, орфографии текста, воспроизведение которого весьма далеко от научных способов (изготовление фотографии не с «дощечки», а с прориси или копии, наличие ретушировки).

Казалось бы, все это должно было положить конец дальнейшему распространению сведений о так называемой «Влесовой книге». Однако в статье В. Скурлатова и Н. Николаева («Неделя», 1976, № 18) читатели были вновь оповещены о существовании памятника, который (если будет доказана его подлинность) должен быть причислен к открытиям, проливающим якобы новый свет на древнейшую историю восточных славян. Правда, авторы ставят вопрос как будто альтернативно: памятник, который они называют «таинственной летописью» или «Влесовой книгой», может быть, с их точки зрения, или подделкой, «интересной мистификацией», или «бесценным памятником мировой культуры»; «следствие» о «Влесовой книге», пишут они, «еще не закончено, и научный суд над ней не вынес окончательного приговора». Содержание же статьи показывает, что В. Скурлатов и Н. Николаев склонны считать «таинственную летопись», написанную на «дощечках», источником достоверным, подлинным. Поскольку содержание ее «необычно», «не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности», постольку, многозначительно замечается во вводных словах к статье, «недоверие было первой реакцией некоторых ученых». Тем самым авторы как бы отмежевываются от ученых, высказывающих сомнения в подлинности «Влесовой книги».

Вопрос об ее подлинности важен потому, что в ней идет речь о восточных славянах, их хозяйственных занятиях, верованиях, столкновениях с соседями и прочих событиях, происходивших с начала I тыс. до н. э. почти до конца IX в. н. э., то есть на протяжении почти двух тысяч лет. В. Скурлатов и Н. Николаев полагают, что прародителем русов был Богумир и что «во времена Богумира, то есть в конце II тыс. до н. э., и в Северную Индию, и в нынешнюю Венгрию пришли из Центральной Азии племена скотоводов, одинаковые по хозяйственному укладу, обычаям, обрядам, богам, горшкам и внешнему облику. Они очень похожи на древних славян-русов, изображенных во «Влесовой книге». В статье утверждалось также, что «древней письменностью пользовались обитатели пространств от Дуная до Хуанхэ за две с лишним тысячи лет до финикийцев, в IV тыс. до нашей эры».

С той же «легкостью необыкновенной» В. Скурлатов и Н. Николаев подходят к обстоятельствам находки рекламируемого ими памятника и к оценке его содержания и языка. «В начале этого века, – пишут они, – в старинном имении под Орлом была найдена рассыпавшаяся связка ветхих дощечек, испещренных неизвестными письменами». Туман некоей таинственности окутывает и все последующее изложение, вводя читателей в явное заблуждение. Авторы склонны думать, что «Влесова книга» написана русским докирилловским письмом, в котором использованы знаки, предшествовавшие тем, которые были включены Кириллом в составленный в 863 г. вариант славянской азбуки. Вполне возможно, что до

⁶ Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 16. М.-Л., 1960. С. 616. В примечании к этой работе говорилось: «Редакция ТОДРЛ не считает возможным вступать в спор с С. Лесным по вопросам филологическим, историческим и прочим ввиду полной его некомпетентности в гуманитарных науках» (там же, с. 611).

⁷ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.

Кирилла и существовало какое-то «русское письмо». Но В. Скурлатов и Н. Николаев ошибаются, когда утверждают: «К сожалению, даже сама эта мысль допускается редко», – и делают многозначительный вывод: «А где не ждут, там и не ищут». Далее высказывают соображения о том, какими путями следует вести поиск: о рунических письменах германских и тюрко-монгольских племен и народов, с которыми «активно общались» древние славяно-русы; алано-хазарских надписях на камнях и флягах VIII–IX вв. (их знаки «почти совпадают с буквами кириллицы и особенно глаголицы»); финикийском алфавите, древнееврейской, древнегреческой и других системах письма. В обстановке возникновения и развития древних систем письма и могли появиться древние славяно-русские памятники дохристианской поры; «именно таким свидетельством, возможно, и является «Влесова книга»», заключают В. Скурлатов и Н. Николаев. К сожалению, указанные авторы не одиноки в попытках усмотреть во «Влесовой книге» достоверный источник. Время от времени сообщения подобного рода продолжают появляться⁸.

Между тем по проблеме существования письменности у восточных славян дохристианского периода накопилась обширная литература, и само существование докирилловского письма – «протокириллицы», а также «протоглаголицы» – изучалось дореволюционными и советскими учеными⁹. Формирование «протокириллицы» (на основе использования греческого буквенно-звукового письма) они относили к VII–VIII векам. Черноризец Храбр в сказании «О письменах» (конец IX – начало X в.) сообщает о славянах-язычниках, что они не имели «книг» и букв, а использовали «черты» и «резы»; эта более древняя манера письма, так называемая пиктографическая, или фигурная, начала применяться, согласно новейшим исследованиям (например, о «календарных знаках» на вазах и кувшинах Черняховской культуры), уже во II–V веках. Приведенные и многие другие свидетельства источников давно показали, что в дохристианский период восточные славяне использовали какое-то не сохранившееся до нашего времени письмо (или разные его виды) в силу растущих потребностей своего общественного развития, сначала в пору формирования из небольших и разрозненных родовых коллективов более крупных, сложных и прочных объединений – племен и союзов племен, затем в эпоху вызревания в среде последних элементов классовых отношений и государственности. Прокириллическим письмом и были, возможно, написаны те книги и документы дохристианской поры, о которых глухо упоминают древние авторы.

«Влесова книга» не может быть отнесена к числу памятников того времени. Дело в том, что подделки под древний текст можно довольно легко выявить, зная закономерности развития языка, путем сравнительно-исторического изучения родственных языков и диалектов. Как известно, языки развиваются во времени, но это развитие неодинаково реализуется в пространстве. В результате в определенное время и на определенной территории язык характеризуется сочетанием только ему присущих особенностей. Благодаря этому можно установить предыдущие и последующие этапы развития языковых черт. Историкам, знакомым с древнерусскими и средневековыми письменными источниками новгородского происхождения, хорошо известно, например, «цоканье» – неразличение на письме (вследствие неразличения в устной речи!) букв Ц и Ч. Так же, если писец не слышал разницы между Ф и фитой, он путал обе буквы. Имея опору в своем произношении, тот же древнерусский писец не спутает М и Ж, Р и П, З и К, но может спутать Ч и Ц, Ф и фиту и т. д.; позднее начнется неправильное употребление букв Е – ять, О – А и т. п. На совпадении безударных гласных основаны многие ошибки нашего правописания. Однако в рукописях XII–XIII вв. (если исключить смоленские с их ранним смешением Е и ять) таких ошибок нет, так как в

⁸ См., например, заметки В. Вилинбахова и В. Старостина. «Неделя», 1976. № 33; Д. Жукова – «Огонек», 1977. № 13. С. 29.

⁹ См., например; Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1969.

то время все названные звуки произносились различно в соответствии с происхождением (этимологией).

Фальсификатор, желающий подделаться под древний язык, если создаваемый им текст достаточно велик, непременно допустит какую-либо нелепую ошибку, которой не может быть в подлинном тексте или из-за его хронологической отнесенности, или из-за территориальной (следовательно, языковой и этнической) приуроченности. Например, о фальсификаторе первой трети XIX в. А. И. Сулакадзе академик И. И. Срезневский писал: «В подделках он употреблял неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий»¹⁰.

«Влесова книга» выдается за текст, написанный до того, как у славян появились глаголица и кириллица. В то время у них (всех славян!) бытовали только открытые слоги, носовые гласные О и Е, особые звуки ять, Ъ, Ь; после мягких согласных могли следовать только определенные гласные звуки, а после твердых, наоборот, другие. Были и иные особенности фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся по разным языкам. Но орфография «дощечек» показывает, что тот, кто их надписал, не умел обозначать носовые: он воспроизводил их в соответствии с тем, как это гораздо позже делалось в польском языке; в то же время на «дощечках» есть места, показывающие изменения, которые позднее произойдут в сербском, хотя эти процессы взаимоисключают друг друга. Во «Влесовой книге» отражено смешение Е и ять, которое появится только в смоленских грамотах в начале XIII в., отверждение шипящих и Ц – процесс еще более поздний в славянских языках; приведена глагольная форма БЯ вместо существовавшей бь; при слове женского рода употреблено числительное в мужском роде; имеется ряд нелепостей в склонении существительных, в образовании причастий и т. п. и т. д.

Содержание «Влесовой книги», ее язык (о чем можно судить хотя бы по тому отрывку, который приведен в статье В. Скурлатова и Н. Николаева) свидетельствуют, что перед нами явная подделка. Авторы, пытающихся доказать обратное, нисколько не спасают рассуждения о «совершенно неожиданной картине далекого прошлого славян». Во «Влесовой книге» речь идет о славянах-скотоводах, живших «за тысячу триста лет до Германриха» – за 13 столетий до готского вождя середины IV в. Германариха (то есть в начале I тыс. до н. э.). Ни автор «Повести временных лет» (начало XII в.), располагавший многими источниками, ни авторы первых повестей, летописей и предполагаемых летописных сводов конца X–XI в. не сообщают о славянских племенах и князьях даже V–X вв. таких сведений, какие содержит составленная якобы в конце IX в. «Влесова книга» о временах гораздо более отдаленных, отстоявших от ее «появления» почти на два тысячелетия! Не спасают В. Скурлатова и Н. Николаева и исторические параллели, связанные с характеристикой передвижений из Центральной Азии в Европу скотоводческих племен, среди которых, по их мнению, могли быть и славяне. Эту «оригинальную версию о степном центральноазиатском происхождении наших предков» авторы, со ссылкой на историков-«евразийцев», а также на итальянских археологов, ведущих раскопки в Пакистане, поддерживают, хотя давно доказано, что славяне задолго до этого (еще в III тыс. до н. э., во времена трипольской культуры) были земледельцами и автохтонами, то есть обитали в районе Среднего Поднепровья.

Текст «Влесовой книги», повествующий о славянских праотцах Богумире и Оре, их дочерях и сыновьях, от которых пошли названия славянских племен (древляне, кривичи, поляне, северяне, русь), настолько наивен, что даже В. Скурлатов и Н. Николаев вынуждены признать, что ее язык «действительно понятен не до конца», что в тексте встречаются «лингвистически вроде бы противоречивые языковые образования». Тем не менее они утверждают, что «писцы «Влесовой книги» знали, о чем писали», а на дереве писали-де

¹⁰ Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. V, вып. 2. СПб... 1873. С. 412.

многие древние народы (далее сказано и о Бояне, который «растекался мыслью по древу», и о берестяных грамотах, и о еловой палочке из киргизского Ачекташа с вырезанной на ней «Галасской надписью», и т. д.).

В. Скурлатов и Н. Николаев, которые приводят ряд правильных сведений о древнейших этапах истории восточных славян, развитии их письменности, в основном заполнили свою статью рассуждениями и параллелями, не опирающимися на новейшие достижения науки. На приведенный ими отзыв В.В. (а не Л., как у В. Скурлатова и Н. Николаева) Виноградова, авторитетнейшего специалиста по истории русского языка, авторы, по существу, не обратили внимания. Между тем высказывавшееся им мнение о «Влесовой книге» как одной из подделок Сулакадзева имеет веские основания. Академик М. Н. Сперанский отмечал «грубую и наивную» подделку Сулакадзева, названную последним «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...». В 1812 г. отрывок из этих якобы древних «вещаний», поверив в них, перевел на современный русский язык Г. Р. Державин. Сулакадзев имел своего рода «музей», в котором хранились и подлинные рукописи (нередко со вставками на полях самого фальсификатора), и подделки, изготовленные им самим. В каталоге своего собрания рукописей Сулакадзев упоминает, между прочим, источники, вырезанные на досках, например «предревний» синодик. Там же числится сочинение «Патриарси (то есть патриархи. – *Авт.*). На 45 буковых досках Ягипа, Гана, смерда IX в.»¹¹. Как тут не вспомнить, что и так называемая «Влесова книга» доведена до последней четверти IX века.

¹¹ Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 68, 91, 101.

О. В. Творогов «Влесова книга»¹²

Предлагаемая читателю работа необычна по своему жанру и теме для научного ежегодника, каким являются «Труды Отдела древнерусской литературы»: исследуется и публикуется источник, являющийся, как мы попытаемся доказать, фальсификатом нового времени – середины нашего века. Но сочинение это – так называемая «Влесова книга» (далее – ВК) – интересно для истории науки и для истории общественной мысли.

Во-первых, потому, что на примере полемики вокруг ВК, объявлявшейся «бесценным источником» для познания древнейшей истории нашего народа, наглядно раскрываются сам механизм создания псевдонаучной сенсации, мотивы и приемы несерьезного популяризаторства в его борьбе с «официальной наукой». Споры вокруг ВК убеждают в непреложности требования, чтобы трезвый источниковедческий анализ, осуществленный специалистами, всегда предшествовал публичному обсуждению тех или иных открытий и гипотез в области истории культуры и гуманитарных наук.

Во-вторых, нужно признать, что ВК не совсем заурядный памятник по ответственности затронутых в нем проблем и по грандиозности самого предприятия – ведь текст ВК составляет по объему более трех печатных листов. Поэтому на нем можно проследить методику создания историографического и языкового фальсификата, установить идеологическую его программу, которая (как в нашем случае) может быть скрыта от малоосведомленного читателя.

В-третьих, важно представить не только всесторонний анализ текста ВК, рассмотрев источниковедческие, лингвистические и историографические проблемы, к этому относящиеся, но и познакомить с самим этим текстом. Только таким образом можно дать возможность каждому убедиться в его искусственности и навсегда похоронить надуманное обвинение, будто ученые из каких-либо престижных или конъюнктурных соображений «скрывают» текст ВК от народа.

Выражаем глубокую признательность инженеру из г. Руайя (Франция), нашему соотечественнику по рождению – Б. А. Ребиндеру, любезно приславшему в Отдел древнерусской литературы материалы о ВК. Без них наша работа не смогла бы состояться.

История находки и публикации «Влесовой книги» за рубежом

Название «Влесова книга» дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации – С. Лесным. С. Лесной – псевдоним доктора биологических наук, специалиста по систематике двукрылых С. Парамонова. Парамонов бежал из Киева в 1943 г.¹³ и впоследствии обосновался в Австралии. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг об истории Руси и «Слове о полку Игореве». В его сочинении «Влесова книга...»¹⁴ наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

¹² Источник: Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). XLIII, Л., 1990, с. 170–254. <http://www.russiancity.ru/books/b48.htm>. Отсутствующие в современном алфавите буквы заменены: и восьмеричное – і, ять – Ъ, ижица – v, фита – th.

¹³ См.: Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.-Л., 1960, Т. 16. С. 611.

¹⁴ Лесной С. «Влесова книга» – языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. Вып. 1. Далее: Влесова книга.

В 1919 г. полковник белой армии А. Ф. Изенбек обнаружил в разоренной помещичьей усадьбе¹⁵ деревянные дощечки с письменами на них. Он приказал денщику собрать дощечки в мешок и увез их с собой. В 1925 г. А. Ф. Изенбек, проживавший в Брюсселе, познакомился с Ю. П. Миролюбовым. Инженер-химик по образованию, Ю. П. Миролюбов не был чужд литературных занятий: он писал стихи и прозу, но большую часть его сочинений (посмертно опубликованных в Мюнхене) составляют разыскания в области религии древних славян и русского фольклора. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на исторический сюжет, но посетовал на отсутствие материала. В ответ Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с дощечками («Вон, там в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть». «В мешке я нашел, – вспоминает Миролюбов, – «дощьки», связанные ремнем, пропущенным в отверстия»¹⁶). И с той поры Ю. П. Миролюбов в течение пятнадцати лет занимается переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешает выносить дощечки, и Миролюбов переписывает их либо в присутствии хозяина, либо оставаясь в его «ателье» (Изенбек разрисовывал ткани) запертым на ключ. Миролюбов переписывал, с трудом разбирая текст и, по его словам, реставрируя пострадавшие дощечки («Стал приводить в порядок, склеивать...»), – вспоминает Миролюбов¹⁷). Он вспоминал также: «Я смутно почувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории... Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось»¹⁸. Какую часть текста ВК Миролюбов переписал, С. Лесной установить не смог. В 1941 г. Изенбек умирает, и дальнейшая судьба дощечек неизвестна. Проходит двенадцать лет. И вот в ноябре 1953 г. в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально – ротاپринтом), публикуется следующая заметка¹⁹:

«Колоссальнейшая историческая сенсация»

При некотором нашем содействии – воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала – и журналиста Юрия Миролюбива отыскались в Европе древние деревянные дощечки V века с ценнейшими на них историческими письменами о Древней Руси.

Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из «дощечек», и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный литературный русский язык известным ученым-этимологом Александром А. Куром²⁰ и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.

Редакция».

¹⁵ Изенбек якобы не помнил точно ни фамилию владельцев усадьбы, ни ее местонахождение. Впоследствии Б. А. Ребиндер высказал предположение, что это была усадьба Задонских Великий Бурлук (ныне это селение в западной части Харьковской области). См.: Rebinder Boris. Vie et religion des slaves le livre de Vles. Paris, 1980. P. 15–19 (далее: Ребиндер).

¹⁶ Влесова книга. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Текст воспроизводится по изданию: Влес книга: Літопис дохристиянської Русі-України. Ч. 6. Лондон; Гага, 1972. С. 27.

²⁰ Издатель журнала «Жар-птица» А. Кур – это эмигрант, генерал А. Куренков. С. Лесной утверждает, что А. Кур – «ассиролог», и жалеет, что в эмиграции он не имел условий для серьезной научной работы. Упоминается его сочинение, опубликованное в № 5–7 того же журнала за 1957 г. под названием «Отрывочная, но истинная история наших предков». Б. А. Ребиндер (с. 10) указывает, что А. Кур был секретарем Музея русского искусства в Сан-Франциско.

По этому сообщению можно было понять, что дощечки нашлись или что, во всяком случае, редакция получила фотоснимки с них. Но в январском номере журнала за 1954 г. было опубликовано письмо Ю. П. Миролюбова, в котором, в частности, говорилось: «... Фотостатов мы не могли с них (видимо, с досок. – *О.Т*) сделать, хотя где-то среди моих бумаг находится один или несколько снимков. Если найду, то я их с удовольствием пришлю. Подчеркиваю, что о подлинности дощечек (так!) судить не могу»²¹. В дальнейшем в журнале появится еще несколько сообщений о «фотостатах», весьма противоречивых: в 1957 г. (октябрьский номер) Миролюбов признает, что «фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны»; в январе 1959 г. А. Кур упоминает «фотостатные снимки других дощечек», которые у него имеются. По сведениям самого Миролюбова, он сделал фотографии с трех дощечек²². Так или иначе, но опубликован был в январе 1955 г. единственный «фотостат» – те самые десять строк с дощечки под № 16, которые воспроизводит в своей книге С. Лесной; этот же снимок был прислан на экспертизу в Академию наук СССР и помещен в статье Л. П. Жуковской в журнале «Вопросы языкознания»²³. Невольно создается впечатление, что издатели вводили читателей в заблуждение: то заманивали их обещаниями продемонстрировать имеющиеся фотоснимки, то, напротив, утверждали, что их нет, они утрачены и т. д.

Не менее странно и другое: объявив о находке дощечек в ноябре 1953 г., редакция не спешит публиковать тексты. В течение трех лет публикуются лишь статьи А. Кура, в которых в общей сложности воспроизведено около 100 строк из ВК, но публикация полного текста отдельных дощечек началась лишь с марта 1957 г. и продолжалась до 1959 г., когда журнал «Жар-птица» прекратил свое существование.

В конце 60-х гг. о ВК упоминает в своих книгах «История руссов в неизвращенном виде» (Париж – Мюнхен, 1953–1960; материалы о ВК – в вып. 6–10) и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси» (Виннипег, 1964) С. Лесной. Затем он посвящает ей специальную работу – уже упомянутое издание «Влесова книга». В 1963 г. С. Лесной опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о ВК на 5-м Международном съезде славистов²⁴, – однако на съезде он не присутствовал и доклада о ВК не делал²⁵. После смерти С. Лесного о ВК на Западе забыли. Интерес к ней вновь пробудился в середине 70-х гг., когда издаются несколько выпусков серии «Влес книга». По сообщению Б. А. Ребиндера, к моменту его знакомства с энтузиастом изучения ВК Н. Ф. Скрипником «имелось два перевода на русский. Один сделал Лазаревич, а другой Соколов в Австралии. Перевод на украинский сделал Кирпич. Имелись также перевод на английский, сделанный Качуром, а также на украинский, бытующий в Канаде»²⁶. С этими публикациями нам познакомиться не удалось, но перевод ВК на русский язык, осуществленный Б. А. Ребиндером (автор любезно прислал нам два выпуска своей работы «Влесова книга», изданной ротапринтом), опирающимся на все предшествующие издания и переводы, свидетельствует о том, что серьезного научного анализа текста ВК и ее содержания не проводилось.

²¹ Влес книга: Літопис... Ч. 6. С. 27.

²² Влесова книга. С. 10.

²³ См: Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 143.

²⁴ Тезисы С. Лесного «О «Влесовой книге»» были опубликованы в кн.: Славянска филология. Т.4: Доклади, съобщения и статии по литературознание. София, 1963. С. 321–323. Том был подписан к печати в июне 1963 г., за три месяца до съезда.

²⁵ См.: Славянска филология. Т. 6: Отчетни материали. София, 1965.

²⁶ Ребиндер. Р. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.